

Джорджетт Хейер

Рождественский кинжал

*Часть сборника
Так убивать
нечестно! Рождественский
кинжал (сборник)*

Инспектор Хемингуэй

Джорджетт Хейер

Рождественский кинжал

«АСТ»

1941

Хейер Д.

Рождественский кинжал / Д. Хейер — «АСТ»,
1941 — (Инспектор Хемингуэй)

Веселый праздник Рождества в богатом загородном особняке закончился скандалом: хозяин дома переругался с гостями, а напоследок пообещал лишить наследства своего племянника. А утром владельца особняка нашли в спальне мертвым, с кинжалом в груди. Инспектор Хемингуэй, ведущий расследование, уверен: дядюшку убил племянник, ведь у него был серьезный мотив. На это указывают улики. Но и у других присутствующих имелись основания желать ему смерти. Алиби нет ни у кого...

© Хейер Д., 1941

© АСТ, 1941

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джорджет Хейер

Рождественский кинжал

Georgette Heyer
ENVIOUS CASCA

© Georgette Heyer Rougier, 1941

© Перевод. В.Н. Соколов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства
The Buckman Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала
данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Глава первая

Гроздья ягод на ветках остролиста восхищали Джозефа Джерарда до глубины души. Он не сомневался, что это хорошая примета, добрый знак, который сулит успех его планам по воссоединению семьи. В последнее время Джозеф – пышущий румянцем здоровяк с космами седых волос, растрепанных зимним ветром – постоянно приносил в дом эти колючие растения и, сияя от удовольствия, совал их под нос Натаниэлю или укладывал на карточный столик Мод.

– Посмотрите на ягоды! – призывал он.

– Очень мило, дорогуша, – без малейшего энтузиазма говорила Мод.

– Убери эту чертову зелень! – возмущался Натаниэль. – Ненавижу остролист!

Но ни равнодушие жены, ни недовольство старшего брата не могли омрачить его радости: Джозеф веселился как ребенок. А когда свинцовые тучи предвещали обильный снегопад, он начинал толковать о старом добром Рождестве и сравнивать поместье Лексэм с Дингли-Делл¹.

При том, что сходства между двумя поместьями было не больше, чем между мистером Уордлом и Натаниэлем Джерардом.

Лексэм, внушительное сооружение в стиле Тюдоров, даже после основательной перестройки, устроенной его хозяином, все еще хранил дух старины и считался местной достопримечательностью. Семейным гнездышком он стал сравнительно недавно: нажив крупное состояние на торговле с Ост-Индией, Натаниэль купил его за пару лет до того, как оставил свой процветающий бизнес. Пола Джерард, племянница Натаниэля, не выносила Лексэм и решительно отказывалась понимать, что заставило старого холостяка поселиться в таком месте, если только он не собирался, как она надеялась, оставить поместье ее брату Стивену. Очень жаль, думала она, что Стивен, которому дом нравился, не делал ровным счетом ничего, чтобы подружиться со старым джентльменом.

Стивену Джерарду, вечно раздражавшему своего богатого дядюшку, тем не менее предстояло стать его наследником: в семье это считалось решенным делом. Как ни крути, а он его единственный племянник, и поскольку Натаниэль вряд ли оставит наследство своему брату Джозефу (даже самому Джозефу это казалось маловероятным), вся его собственность перейдет в неблагоприятные руки Стивена.

Особую весомость данному мнению придавал факт, что Натаниэль любил племянника больше, чем других членов семьи. Правда, Стивена вообще мало кто любил. Пожалуй, единственным человеком, свято верившим, что под угрюмой внешностью Стивена прячется светлая душа, был Джозеф, неисправимый добряк, чье нежное сердце всегда заставляло его видеть в людях только лучшее.

– В Стивене много превосходных качеств. Помяните мое слово, наш милый медвежонок еще удивит нас в эти дни! – с пафосом заявил он однажды вечером, когда Стивен вел себя невыносимо.

Стивен, однако, не пришел в восторг от непрошеного комплимента. Он уставился на Джозефа с такой едкой усмешкой, что тот сразу осекся и ответил ему растерянным и жалким взглядом.

– Удивлять простофиль – не мой конек, – изрек Стивен, не потрудившись вытащить трубку изо рта.

Джозеф мужественно выдавил улыбку, а разгневанная Пола бросилась на его защиту. В ответ Стивен лишь усмехнулся и снова погрузился в свою книгу, предоставив Поле без стеснения выкладывать все, что думает о его манерах. Что касается Джозефа, тот с несокруши-

---

¹ Идиллическое место в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»; мистер Уордл – владелец поместья в Дингли-Делл. – Здесь и далее примеч. пер.

мой веселостью, способной выдержать любой удар, быстро пришел в себя и шутливо приписал выходку Стивена расстройству печени.

Пышнотелая Мод, не моргнув глазом, продолжала раскладывать пасьянс и между делом заметила, что от печени хорошо помогает слабительное перед завтраком.

– Бог ты мой! – воскликнул Стивен и рывком поднялся из кресла. – А ведь когда-то этот дом казался мне почти приятным!

Это была явная грубость, но когда Стивен покинул комнату, Джозеф поспешил заверить Полу, что все в порядке: он, мол, слишком хорошо знает Стивена, чтобы обижаться на его слова.

– Не думаю, что старина Стивен действительно недоволен гостеприимством Натаниэля, – заявил он, изобразив одну из своих улыбок.

Джозеф и Мод сравнительно недавно поселились в Лексэме. Всего несколько лет назад Джозеф был, как говорят, перекаатиполе. Вспоминая свое прошлое, он часто называл себя «непутевым парнем» и «бродягой» и, выпуская театральные вздохи – вот, мол, как быстро бежит время, – хвастался подвигами на сценических подмостках, возмущая Стивена.

Джозеф действительно много выступал на сцене. В юности изучал юриспруденцию, но потом бросил свои занятия («непутевый парень») и отправился искать счастья («бродяга») на кофейных плантациях в Африке. С тех пор он переменил множество профессий – от наемного старателя до профессионального актера. Никто не знал, почему Джозеф оставил сцену: в те годы он жил в южноамериканских колониях, так что вариант с любовью к странствиям, вечно заставлявшей его срываться с места, можно было исключить. Тем более что лицедейство вообще было у него в крови: однажды Матильда Клэр даже назвала его «лучшим из Полониев²».

Примерно в то же время он познакомился с Мод, и вскоре они поженились. Младшие Джерарды, давно знавшие Мод, с трудом представляли ее в роли хорошенькой хористки. С годами она сильно пополнила, и следы былой красоты почти исчезли с ее пухлого личика с блеклыми выпученными глазками, дряблыми щечками и крошечным ртом. Мод нечасто вспомнила свою молодость, а те редкие и случайные фразы, которые она иногда роняла, не давали никакого представления о том, что Пола называла «тайной ее прошлого».

Вообще, молодым Джерардам и Матильде Клэр, их кузине, Джозеф и Мод казались двумя странными существами, которые море пару лет назад выбросило на английский берег в Ливерпуле. Оба супруга прибыли из Южной Америки налегке, с кое-какими средствами, но без малейших перспектив. В конце концов их прибило к поместью Лексэм, где они и поселились – Христа ради, как говаривал Джозеф – на правах гостей Натаниэля.

Натаниэль неожиданно тепло принял брата и его жену. Пола считала, что ему попросту была нужна хорошая хозяйка. Если так, владельца Лексэма ждало разочарование, поскольку Мод не выказала желания взять хозяйство в свои руки. Ее представления о человеческом счастье включали только вкусную еду, долгий сон, раскладывание бесконечных пасьянсов и беспорядочное чтение книг про королевских особ и прочих знаменитостей.

Но если Мод пребывала в праздности, то ее муж, напротив, проявлял кипучую энергию. Чаще всего он расходовал ее на благие цели, но, на беду Натаниэля, не страдавшего избытком общительности, обожал устраивать вечеринки и приглашать на них молодежь, с которой веселился от души.

Именно он придумал организовать семейный праздник, целый месяц омрачавший его нелюдимого брата. Джозеф, заграничный житель, с удовольствием предвкушал настоящее английское Рождество. Натаниэль хмуро замечал, что, насколько ему известно, настоящее Рож-

---

² Персонаж трагедии У. Шекспира «Гамлет».

дество – это когда не выносящие друг друга родственники проводят время в бесконечных ссорах, потому что кто-то, видите ли, решил, что они должны отмечать праздник вместе.

В ответ на эти горькие тирады Джозеф лишь смеялся и, похлопывая брата по плечу, ласково называл его старым ворчуном.

Судя по всему, Джозеф обладал даром убеждения, потому что в конце концов Натаниэль все-таки согласился пригласить в поместье «молодых людей». Пару месяцев назад он крупно поссорился со Стивеном, а чуть позже отказал Поле в финансовой поддержке пьесы, где она хотела сыграть главную роль, и Джозефу пришлось потратить немало времени, чтобы утрясти старые обиды.

– Знаешь, Натаниэль, – с грустью пробормотал он, – старым чудакам вроде нас не надо ссориться с юным поколением. Что бы мы делали без них, этих молодых безумцев, да благословит их Бог?

– Я могу ссориться, с кем захочу, – возразил Натаниэль. – Пусть Пола и Стивен поживут у меня, если хотят, но я не намерен мириться с тем, чтобы эта чертова девица Стивена с ее невыносимыми духами отравляла воздух в моем доме или чтобы Пола выколачивала из меня средства на постановку какой-то идиотской пьесы, о которой я ничего не слышал и слышать не желаю. Все, что нужно твоей распрекрасной молодежи, – это деньги, и только деньги! Как вспомню, сколько я уже на них потратил по тем или иным причинам...

– Ну и что тут плохого? – воскликнул Джозеф. – Перестань, ты меня не проведешь! Можешь сколько угодно изображать скрягу, если тебе нравится. Я-то знаю, как приятно делиться чем-нибудь с другими. Не пытайся меня уверить, будто это чувство тебе не знакомо!

– Господи, Джозеф, – пробормотал Натаниэль. – Иногда ты порешишь такую чушь!

Однако после долгих уговоров он все же сдался и пригласил в Лексэм «девицу» Стивена. В результате на Рождество собралась целая компания: Пола прихватила своего безвестного драматурга, против которого решительно возражал Натаниэль, Матильда Клэр сама напросилась в гости, а Джозеф в последний момент решил, что было бы неловко обойти вниманием давнего делового партнера Натаниэля Эдгара Моттисфонта.

В оставшиеся перед праздником дни Джозеф занялся украшением дома. Он купил бумажные гирлянды и развесил их под потолком, после чего исколол себе все пальцы, обрамляя каждую картину свежим остролистом, а в самых важных местах пристроил ветки омелы. Работа была в самом разгаре, когда прибыла Матильда Клэр. Войдя в дом, она застала Джозефа в тот момент, когда, взгромоздившись на стремянку, он пытался приткнуть к люстре омелу.

– Матильда, милая! – Джозеф спрыгнул на пол, с грохотом опрокинув лестницу, и бросился встречать первую гостью.

– Привет, Джозеф, – улыбнулась мисс Клэр. – Разукрашиваем домик?

Тот кивнул и просиял, как солнце.

– Ну что, попалась? – воскликнул он и, отбросив омелу, крепко сжал Матильду в объятиях.

– Вот дикарь, – пробормотала она, не пытаясь сопротивляться.

Джозеф польщенно рассмеялся и, взяв ее под руку, повел в библиотеку, где Натаниэль читал газету.

– Посмотри, кого принесли нам феи! – крикнул Джозеф.

Натаниэль взглянул на них поверх очков и не слишком любезно пробурчал:

– Как дела? Рад тебя видеть.

– Спасибо и на этом, – отозвалась Матильда, пожав ему руку. – Кстати, благодарю за приглашение.

– Наверное, тебе что-то от меня надо? – усмехнулся Натаниэль.

– Ровным счетом ничего, – отрезала Матильда и закурила сигарету. – Просто сестра Сары сломала ногу, а миссис Джонс не смогла ее заменить.

Сара была преданной компаньонкой Матильды, на которой держалось все домашнее хозяйство, так что причина ее приезда стала очевидной. Натаниэль лишь фыркнул, пробурчав, что этого следовало ожидать. Джозеф сжал руку Матильды и попросил не обращать внимания на хозяина.

– Мы отлично встретим Рождество, вот увидишь! – воскликнул он.

– Не сомневаюсь, – произнесла мисс Клэр. – Можешь полностью мной располагать, Джозеф. Я образцовый гость. А где Мод?

Мод сидела в маленькой столовой возле кухни. Она благосклонно встретила Матильду и позволила поцеловать себя в щеку, сдержанно заметив:

– Бедняга Джозеф просто помешан на Рождестве.

– Ничего, я ему помогу, – заверила Матильда. – Сделаю пару гирлянд или что-нибудь еще. Кто приедет?

– Стивен с Полой, невеста Стивена и, конечно, мистер Моттисфонт.

– А, значит, нас ждет море веселья. Стивен любой праздник превратит в конфетку.

– Натаниэль не в восторге от невесты Стивена, – заявила Мод.

– Неужели? – Мисс Клэр издала грубый смешок.

– Хотя она очень хорошенькая, – добавила Мод.

– Ну, есть немного.

Сама Матильда не была хорошенькой. Она могла похвастаться прекрасными волосами и умным взглядом, но даже в пору своей юности не считала себя красавицей. Признав этот прискорбный факт, Матильда, по ее выражению, «вся вложилась в стиль». Сейчас, приближаясь к третьему десятку, она жила в уютном коттедже недалеко от Лондона, имела кое-какие средства и пополняла доходы журналистикой и разведением бультерьеров. Валери Дин, невеста Стивена, недолюбливала Матильду за то, что та всегда прекрасно одевалась и умела подать себя так, что на многих вечеринках мужчины глазели больше на нее, чем на Валери.

– Милый, не подумай, что мне не нравится твоя кузина, – сказала она Стивену по пути в Лексэм. – Но мне смешно, когда кто-то называет ее потрясающей. Она просто уродина, правда?

– Может быть, – пробурчал Стивен.

– Ты же не считаешь ее особо умной?

– Какая разница? По крайней мере с головой у нее все в порядке.

– Ничего себе комплимент! – хохотнула Валери. – Ты ведь не хочешь, чтобы она приехала в Лексэм?

– Хочу.

– Стивен, ты свинтус! Почему?

– Она мне нравится. Сиди и помалкивай. Не выношу, когда меня дергают за рулем.

– Грубиян. Ты меня любишь, Стивен?

– Да, черт возьми!

– Звучит неубедительно. Скажи, я хорошенькая?

– Конечно, дуреха, ты классная. Афродита с Еленой отдыхают. Хватит болтать!

– Не понимаю, как я могла в тебя втюриться, глупыш? – проворковала Валери. – Ты скверный мальчик.

В ответ последовало молчание, и его суженая, решив, что он не в духе, уткнулась носом в воротник и вздохнула.

В Лексэм они прибыли одновременно с Эдгаром Моттисфонтом. Сияющий Джозеф, выскочив на крыльцо, тепло принял всех троих и на правах старого друга крепко обнял Валери. Он осыпал ее бурным потоком комплиментов, вызвав саркастическую улыбку Стивена и благодарную – у его невесты. Мисс Дин обожала, когда восхваляли ее достоинства, и охотно отвечала на заигрывания старых джентльменов. Бросив на Джозефа томный взгляд, она назвала

его старым греховодником, что привело Джозефа в восторг, а Стивена заставило угрюмо пробурчать: «Как там говорится? Если бы старость могла...»

– А, Стивен! – воскликнул Эдгар Моттисфонт, выходя из автомобиля, который привез его со станции.

– Привет! – бросил Стивен.

– Какая приятная неожиданность, – добавил Моттисфонт, с неприязнью глядя на собеседника.

– Что-то не так? – огрызнулся Стивен.

– Хватит, хватит! – вмешался Джозеф. – Эдгар, дружище, скорее в дом! Вы, наверное, замерзли? Какие тучи! На Рождество нас завалит снегом. Не удивлюсь, если не сегодня завтра мы устроим гонки на санях!

– А я удивлюсь, – буркнул Стивен, следуя за остальными. – Привет, Матильда!

– О, чей голосок я слышу? – отозвалась та. – Приехал наш славный добряк?

Мрачное лицо Стивена на секунду расцвело улыбкой, но когда в комнату вошел Натаниэль и кивнул, буркнув: «Рад тебя видеть, Стивен», – он нахмурился и впал в свою обычную раздражительность.

Натаниэль равнодушно пожал руку мисс Дин и, не успев та пощечетать, как мило встречать Рождество в таком чудесном доме, что-то буркнул и поспешил увлечь мистера Моттисфонта в свой кабинет.

– Как-нибудь я подкину вам пару рекомендаций, как обходиться с дядюшкой Натаниэлем, – сочувственно обратилась к ней Матильда.

– Черт бы вас всех побрал! – выпалил Стивен. – Господи, зачем я только приехал?

– Видимо, потому, что больше было некуда? – предположила Матильда. Увидев вытянутое лицо Джозефа, она торопливо добавила: – В любом случае ты уже здесь, так что расслабься. Валери, вы сразу подниметесь в свою комнату или сначала выпьете чаю?

Мисс Дин проводила значительную часть жизни за туалетным столиком и предпочла подняться в комнату. Джозеф сразу вспомнил о своей жене, но когда он разыскал ее в гостиной, Матильда уже отвела Валери наверх. Он мягко пожурил Мод за то, что она не вышла встречать гостей, но та ответила, что не слышала, как они приехали.

– Я с головой ушла в чтение, – объяснила Мод. – Книга пылилась в библиотеке на самой дальней полке, и я решила, что вы с Натаниэлем все равно ее не хватитесь. Очень увлекательная история – про бедную австрийскую императрицу. Представь, она выступала в цирке!

Джозеф прекрасно знал, что гости очень мало выиграли бы от появления его жены, но все-таки сдержанно заметил, что книгу можно почитать и после праздника. А как хозяйка дома она была обязана проводить Валери в ее апартаменты.

– Нет, дорогой, – возразила Мод. – Я ее сюда не приглашала. И вообще, я не вижу причин, почему мне нельзя читать книгу в Рождество или в какой-либо другой день. Императрица могла сидеть на собственных волосах. Как тебе?

Джозеф понял, что ему никакими силами не удастся оттащить жену от книги, и, ласково похлопав ее по плечу, покинул комнату. Он быстро направился в коридор, чтобы попросить раздраженную прислугу поторопиться с чаем, а потом, взлетев по лестнице, постучался к мисс Дин и спросил, не нужна ли ей какая-нибудь помощь.

Чай подали в гостиной. Мод отложила в сторону «Жизнь императрицы Елизаветы Австрийской» и разлила чай по чашкам. Отдуваясь, она уселась на диван перед сверкавшим серебром сервизом и принялась встречать гостей, с механической улыбкой протягивая свою пухленькую ручку и роняя каждому одну и ту же любезную фразу.

Матильда опустилась рядом и со смехом прочитала заголовок книги.

– В тот раз были воспоминания фрейлины, – заметила она.

Но насмешка разбилась о броню невозмутимости Мод.

– Мне нравятся такие книги.

Когда в комнате появились Натаниэль и Эдгар Моттисфонт, Стивен встал с кресла и нелюбезно пробормотал:

– Вот твое кресло, дядюшка.

Натаниэль ответил тем же тоном:

– Не стоит беспокоиться. Как поживаешь?

– Нормально, – ответил Стивен. Потом выдал немного вежливее: – Отлично выглядишь.

– Если не считать жуткого радикулита, – вздохнул Натаниэль, недовольный тем, что племянник забыл про его болезнь. – Как раз вчера был приступ.

– Скверно, – вздохнул Стивен.

– Болезни, унаследованные плотью³, – покачал головой Моттисфонт. – Ничего не поделаешь, старина, – возраст!

– Ерунда! – возразил Джозеф. – Посмотрите на меня! Делайте каждое утро зарядку перед завтраком, как я, и будете чувствовать себя на двадцать лет моложе! Раз – присели, два – встали, три – наклон! И побольше свежего воздуха из окна!

– Перестань, Джозеф, – пробурчал Натаниэль. – Какой еще наклон? Я по утрам даже разогнуться не могу.

Мисс Дин решила внести свой вклад в беседу:

– Мне кажется, все эти физические упражнения – жуткая скука.

– Странное мнение для молодежи, – усмехнулся Натаниэль.

– Нет ничего лучше хорошей порции слабительного перед завтраком, – вставила Мод, протягивая чашку Стивену.

Натаниэль раздраженно покосился на свою невестку и отвернулся, завязав беседу с Моттисфонтом. Матильда издала булькающий смешок.

– Да уж, это решает все проблемы!

Но Мод серьезно посмотрела на нее.

– Слабительное – очень полезная вещь, – заключила она.

Валери Дин, неотразимая в своем костюме из джерси, быстрым взглядом оценила твидовую юбку и пиджак Матильды и решила, что они ей не идут. Это сразу расположило ее к Матильде, и она заговорила с ней, передвинувшись вместе со стулом поближе к дивану. Стивен, изо всех сил стараясь быть милым и приветливым, присоединился к беседе своего дядюшки с Моттисфонтом, а удовлетворенный Джозеф, сияя от радости, созерцал всю эту картину. Вид у него был такой довольный, что в глазах Матильды снова запрыгали огоньки, и она предложила ему помочь с бумажными гирляндами.

– Я так рад, что ты приехала, – признался он, когда она тащила шаткую лестницу. – Мне не терпелось устроить вечеринку.

– Ты просто душка, – отозвалась Матильда. – Ради Бога, держи лестницу! Она вот-вот развалится. Зачем тебе понадобилось это семейное сборище?

– Ты будешь смеяться, – покачал головой Джозеф. – Давай зацепим один конец вон за ту картину, а другой протянем к люстре.

– Слушаюсь, Санта-Клаус. Так в чем дело?

– Сначала скажи: ты веришь, что Рождество – время чудес, когда сбываются все мечты?

– Смотря о чем мечтать, – заметила Матильда, воткнув в стену канцелярскую кнопку. – По-моему, этот праздник завершится убийством. Натаниэль не выносит малышку Валери.

– Господи! – воскликнул Джозеф. – Что за чепуха? Она очень милое дитя и за столом будет, как и все, уплетать за обе щеки!

---

³ У. Шекспир. Гамлет.

Матильда спустилась с лестницы.

– Боюсь, Натаниэлю не нравятся блондинки.

– Какая разница? Не важно, что он думает о бедняжке Валери. Главное, чтобы они больше не устраивали глупых ссор со Стивеном.

– Я не дотянусь до люстры, если ты не поднимешь лестницу повыше. Почему бы Натаниэлю не ссориться со Стивеном, если ему так нравится?

– Потому что он его любит. И ссоры в семье – всегда плохо. К тому же... – Джозеф замолчал, передвигая лестницу.

– Что?

– К тому же Стивену совсем ни к чему ссориться с Натаниэлем!

– А, вон ты о чем! – оживилась Матильда. – Хочешь сказать, Натаниэль уже принял решение? Стивен – его наследник?

– Будешь много знать – скоро состаришься, – усмехнулся Джозеф, игриво шлепнув ее по колену.

– Да ладно тебе! Хочешь напустить туману?

– Нет, что ты, ничего подобного! Просто подумал, что со стороны Стивена было бы глупо портить отношения с дядей. Что мы повесим под люстрой – бумажный фонарь или ветку омелы?

– Честно говоря, и то и другое выглядит паршиво.

– Ну-ну! Что за словечки! Вы, молодежь, просто не понимаете, что такое Рождество. Для тебя что-нибудь значит этот праздник?

– Будет значить, когда закончится, – ответила Матильда, забираясь на лестницу.

Глава вторая

Пола Джерард приехала к семи часам, когда все уже переодевались к ужину. Ее прибытие сопровождалось суетой и шумом, донесшимся до самых дальних спален. Пола не умела появляться незаметно. Не потому, что старалась привлечь к себе внимание, просто у нее была такая натура – размашистая и порывистая, с быстрой сменой чувств на подвижном и живом лице. Матильда не без сарказма замечала, что в ней уже с пеленок жила великая актриса.

Пола была на семь лет моложе Стивена и внешне не имела с ним ничего общего. Она больше напоминала красавиц в духе Берн-Джонса⁴ – с густой непокорной шевелюрой, крупным ртом и большими темными глазами, сумрачно глядевшими из-под круто заломленных бровей. В ней бродил какой-то беспокойный дух, проявлявшийся в ее быстрой походке, в переменчивом взгляде, часто вспыхивавшем тайным огоньком, и в страстной линии губ. К тому же Пола обладала приятным голосом, сильным и мягким, как виолончель. Его гибкий и сочный тембр идеально подходил для шекспировских ролей. Он составлял разительный контраст с тусклыми голосами наших дней, хриплыми и крикливыми, с металлическими нотками, которые так нравятся современной молодежи. Кроме того, она отлично умела им пользоваться: уж в чем-чем, а в этом, подумала Матильда, услышав, как Пола поднимается по лестнице, не было никаких сомнений.

Она услышала, как Пола назвала ее имя.

– Где, в голубой гостиной? Ага, иду!

В ожидании ее Матильда присела на банкетку. Через минуту в дверь небрежно постучали, и не успела она ответить «войдите», как Пола ворвалась в комнату – клубок живой энергии, которую не знала, куда потратить.

– Матильда! Дорогая!

– Осторожно, испортишь макияж! – воскликнула та, уклонившись от ее объятий.

Пола расхохоталась:

– Вот дуреха! Я так рада тебя видеть. Кто дома? Стивен? Валери? Ох, эта девчонка! Ты не представляешь, что я чувствую, когда о ней думаю! – Она стукнула себя в грудь, резко сверкнула взглядом и добавила: – Ладно, не важно. Эти братья... Я привезла Уиллоби.

– Что за Уиллоби?

Глаза Пола вспыхнули.

– Наступит день, когда никто не станет задавать такой вопрос!

– Но пока он не наступил, – возразила Матильда, аккуратно подводя брови карандашом, – могу я узнать, кто это?

– Уиллоби Ройдон. Он написал пьесу!

Удивительно, сколько экспрессии было в ее трепещущих руках и возбужденном голосе.

– А-а, неизвестный драматург, – протянула Матильда.

– Пока неизвестный! Но эта пьеса... Продюсеры идиоты! Нам нужен богатый спонсор. Как дядюшка, сегодня в духе? Стивен его не раздражал? Расскажи мне обо всем, Матильда, скорее!

Та отложила карандаш для бровей.

– Значит, ты притащила сюда драматурга, чтобы смягчить сердце дядюшки? Бедняжка.

– Он не сможет мне отказать! – Пола энергично откинула волосы со лба. – Это настоящее искусство! Когда ты прочтешь пьесу...

– Искусство плюс роль для Пола? – усмехнулась Матильда.

---

⁴ Английский художник-прерафаэлит.

– Да, роль. Но какая роль! Она создана для меня. Уиллоби сказал, что это я его вдохновила.

– Воскресное представление в местном клубе и кучка интеллектуалов вместо зрителей. Воображаю.

– Говорю тебе, дядя обязан выслушать меня! Я должна сыграть эту роль. Должна, Матильда, понимаешь?

– Да, милочка, кто же спорит. Но учти, что через двадцать минут нас ждет праздничный ужин.

– Ерунда, мне хватит и десяти минут, – нетерпеливо отмахнулась Пола.

Матильда знала, что она права. Пола никогда не волновалась насчет одежды. Ее нельзя было назвать ни модницей, ни неряхой. Она просто накидывала на себя что попало, и никто не обращал внимания, чем прикрыто ее тело: важна была только сама Пола.

– Черт побери, Пола, я тебя ненавижу! – воскликнула Матильда, отлично знавшая, что люди замечают ее только благодаря тщательно продуманным нарядам. – Убирайся к дьяволу! Я не такая везучая, как ты.

Та довольно прищурилась.

– Милая, ты всегда отлично выглядишь.

– Спасибо. А где твой драматург?

– Понятия не имею. Как меня бесит вся эта суета! Можно подумать, в доме не хватит места... Старри обещал нас куда-нибудь пристроить.

– Главное, чтобы у твоего приятеля не было мятой футболки и всклокоченной шевелюры.

– А при чем тут это?

– Дядя Натаниэль будет в шоке.

Она не ошиблась. Когда Уиллоби Ройдона представили Натаниэлю, тот буквально онемел от ярости и усталости на него и Полу, не в силах выдать даже обычного приветствия. Повисшую паузу пришлось заполнить Джозефу, который попытался загладить неловкость удвоенным радушием.

Положение спас Старри, объявивший, что кушать подано. Все перешли в столовую. Уиллоби Ройдон сел между Мод и Матильдой. Первую он невзлюбил сразу, но вторая ему понравилась. Он завел разговор о современной драме, и Матильда время от времени ему поддакивала, считая своим долгом ободрить новичка.

Ройдон был хрупкий молодой человек с невыразительным лицом и экзальтированными жестами. Слушая его разглагольствования, Матильда без труда могла представить, как он чувствовал себя в этой обывательской среде. Наверное, его родители были достойными людьми, которые побаивались своего слишком умного сына, а может, и подсмеивались над его талантом. Он держался неуверенно и в то же время агрессивно. Матильда сразу прониклась к нему жалостью и сделала заинтересованное лицо, по мере сил принимая участие в беседе.

Пола сидела рядом с Натаниэлем и беседовала с ним о пьесе Ройдона, забыв про еду. Она старалась завладеть вниманием своего дяди, раздражая его громким голосом и возбужденно размахивая руками. Валери, сидевшая справа от нее, умирала от скуки и даже не скрывала этого. Сначала она делала вид, будто ей интересно, и восклицала: «Ах, дорогая, как чудесно! Расскажите мне о вашей роли! Мне не терпится увидеть вас в пьесе». Но Пола не обращала на нее никакого внимания и отметала все эти попытки с холодным равнодушием, напоминавшим манеру Стивена. Наконец Валери вздохнула, поправила свои кудряшки и пришла к выводу, что Пола совершенно не умеет одеваться и к тому же нелепо взбивает волосы со лба.

Для Валери это вообще был неудачный вечер. Она приехала в Лексэм (и настояла, чтобы Стивен взял ее с собой), поскольку знала, что Натаниэль ее недолюбливает. Валери не сомневалась, что сумеет пленить его своими чарами, но тот упорно не желал пожирать ее восхищенным взглядом, как делали все мужчины. Не помогло даже новое платье от Шанель. Джозеф,

наоборот, бросал в ее сторону томные взоры, но толку от этого было не много (хотя все-таки приятно): ведь он не мог оставить им наследство.

Появление за столом нового гостя показалось ей многообещающим, но, увы, он с головой ушел в разговор с Матильдой. Валери раздраженно уставилась на нее, не понимая, что находят в ней мужчины. В этот момент Ройдон поднял голову, и их взгляды встретились. Очевидно, он только сейчас заметил ее присутствие, и его это потрясло. Ройдон замер, густо покраснел и поспешил возобновить беседу. Валери повеселела. Эти драматурги не так просты! Никогда не знаешь, что от них ждать. В одно прекрасное утро они просыпаются знаменитыми, зарабатывают кучу денег, и их наперебой приглашают в самые лучшие дома.

Джозеф, которого Натаниэль с самого начала подозревал в том, что он потворствовал приглашению Уиллоби, бодро заявил, что «запах опилок снова щекочет ему ноздри». Ройдон подумал, что он когда-то выступал в цирке, но Джозеф поспешил разубедить его.

– Помню, в Дурбане, когда я играл Гамлета... – начал он.

– Престань, Джозеф, ты что-то путаешь, – перебила его Матильда. – Ты в жизни не играл Гамлета.

– Грехи молодости, – улыбнулся тот.

Но Ройдон не проявил к Гамлету интереса. Он небрежно отмахнулся от Шекспира. Для него куда важнее был Стриндберг. Что до комедий Пинеро, в которых блистал Джозеф, драматург припечатал их одной фразой:

– Все это старье!

Джозеф приуныл. Он как раз приготовил один милый анекдот из тех времен, когда играл в Сиднее роль Бенедикта, но Ройдон вряд ли сумел бы оценить его. «Какой самодовольный молодой человек», – подумал Джозеф, с грустью налегая на закуску.

Мод поднялась из-за стола, и Поле пришлось оборвать разговор о пьесе Ройдона. Она с досадой последовала за другими женщинами.

Мод привела их в салон. Это была большая и холодная комната. Две напольные лампы у камина давали мало света, поэтому по углам гнездилась густая тень. Пола зябко поежилась и включила люстру.

– Ненавижу этот дом! – воскликнула она. – И он нас тоже ненавидит. Меня даже мороз по коже продирает.

– Что вы имеете в виду? – спросила Валери, оглядев гостиную.

– Сама не знаю. Кажется, здесь случилось нечто ужасное. Вы чувствуете эту зловещую атмосферу? Хотя нет, вряд ли.

– Вы намекаете на привидения? – У Валери дрогнул голос. – Если так, я ни за что не останусь ночевать!

– Привидения тут ни при чем, – возразила Пола. – Просто в доме есть что-то такое... В общем, я постоянно это ощущаю. Матильда, будешь курить?

Та взяла сигарету.

– Спасибо, милая. Может, сядем дружной компанией у камина и станем рассказывать истории о призраках?

– Ну нет! – передернула плечами Валери.

– Не обращайтесь внимания на Полу, – посоветовала Матильда. – У нее слишком романтическое воображение. С домом все в порядке.

– Жаль только, нет батарей, – заметила Мод, устроившись поближе к огню.

– Мы не об этом, – сухо бросила Пола.

– Кстати, вот откуда у Натаниэля радикулит, – добавила Мод. – Эти сквозняки...

Валери принялась пудрить носик перед висевшим над камином зеркалом. Пола беспокойно ходила по комнате и курила, роняя пепел на ковер. Матильда, присев напротив Мод, попросила:

– Пола, буду очень признательна, если ты перестанешь перед нами мелькать. А если прекратишь мучить Натаниэля пьесой своего друга, то вечер станет намного приятнее.

– Плевать мне на вечер. Я хочу, чтобы его пьесу поставили на сцене!

– Любовная лихорадка? – Матильда насмешливо вздернула брови.

– Господи, Матильда! Неужели ты не понимаешь, что любовь тут ни при чем? Все дело в искусстве!

– Ах, прости.

Мод, уже успев открыть книгу, воскликнула:

– Надо же! Императрице было всего шестнадцать лет, когда в нее влюбился Франц Иосиф. Как трогательно.

Пола застыла посреди комнаты и уставилась на нее:

– Какая императрица?

– Австрийская, дорогуша. Сейчас трудно представить, что Франц Иосиф когда-то был юношей, правда? Но, говорят, он был очень красив, и она влюбилась в него с первого взгляда. Конечно, ему следовало жениться на ее старшей сестре, но когда он увидел Елизавету с ее волосами чуть ли не до пола...

– И какое это имеет отношение к пьесе Уиллоби? – удивилась Пола.

– Никакого, милая. Просто я читаю о ней интересную книгу.

– Ничего интересного, – буркнула та и снова начала расхаживать по комнате.

– Все в порядке, Мод, – успокоила Матильда. – Пола всегда закичивается на чем-то одном, и у нее ужасные манеры. Расскажите нам еще об императрице.

– Ей было нелегко, – сообщила та. – И все из-за свекрови. Неприятная женщина. Все называли ее эрцгерцогиней, хотя я не очень понимаю, почему она была только эрцгерцогиней, а ее сын – императором. Она хотела, чтобы он женился на Елене.

– Кажется, я уже сама готова наброситься на эту книгу, – улыбнулась Матильда. – Кто такая Елена?

Мод все еще объясняла ей про Елену, когда в комнате появились мужчины. Натаниэль явно был не в восторге от мужской компании. Очевидно, Ройдон домогался его общества, потому что Натаниэль бросил на него злобный взгляд и отошел подальше. Моттисфонт сел рядом с Мод, а Стивен, к общему удивлению, последовал за дядюшкой и завел с ним дружескую беседу.

– Когда Стивен изображает джентльмена, у меня просто дух захватывает, – пробормотала Матильда.

Стоявший неподалеку Джозеф заговорщицки приложил палец к губам. Натаниэль заметил его жест, и Джозеф поспешил предложить:

– Кто хочет сыграть в рамми?

Никто не хотел, наоборот, многие, включая Натаниэля, скорчили недовольные гримасы. После паузы Джозеф обескураженно добавил:

– Тогда во что-нибудь другое?

– Матильда, – объявил Натаниэль не допускавшим возражений тоном, – сыграет с нами в бридж на четверых.

– Ладно, – произнесла она. – А кто в игре?

– Я, Стивен и Моттисфонт. Мы поставим стол в библиотеке, а остальные пусть занимаются своими дурачками... короче, делают то, что им нравится.

Джозеф, чей оптимизм был поистине несокрушим, подхватил:

– Вот и отлично! Никто не будет беспокоить серьезных людей, а мы, существа легкомысленные, сможем валять дурака в свое удовольствие!

– Только не надейтесь, что я стану играть! – предупредил Ройдон. – Я не отличу одну карты от другой.

– О, вы быстро привыкнете! – успокоил его Джозеф. – Мод, дорогая, наверное, тебя нам вряд ли удастся уломать?

– Да, Джозеф, лучше я займусь своим пасьянсом, если только кто-нибудь пододвинет ко мне этот столик.

Валери, недовольная тем, что ее жених проведет весь вечер за игрой в бридж, одарила Ройдона ослепительной улыбкой.

– Я мечтаю услышать от вас об этой пьесе! Умираю от любопытства. Скорее идите сюда и все мне расскажите!

Уиллоби, раздраженный полным безразличием со стороны Натаниэля, немедленно приблизился к ней, а с Джозефом и его карточной игрой осталась лишь Пола. Сообразив, что в подобной ситуации из его затеи ничего путного все равно не выйдет, он с легким вздохом подсел к жене и стал смотреть, как она раскладывает пасьянс.

Пола еще немного походила по комнате, перебросившись парой фраз с Ройдоном и мисс Дин, потом села на диван и принялась перелистывать иллюстрированный журнал. Вскоре Джозеф присоединился к ней и спросил, доверительно понизив голос:

– Так что за пьеса, дорогуша? Расскажи своему дядюшке. Комедия? Трагедия?

– Ни то ни другое, – ответила Пола. – Это тонкое изучение характеров. На свете нет такой пьесы, в которой я хотела бы сыграть больше, чем в этой. Она написана для меня. Там все про меня!

– Я тебя отлично понимаю, – кивнул Джозеф, сочувственно похлопав ее по руке. – Как часто людям приходится переживать нечто подобное. Сейчас трудно поверить, но все мои родные и друзья были в шоке, когда в юности я бросил престижную работу в адвокатской конторе и поступил в театральную труппу. – Он довольно рассмеялся. – Да, я был романтичным парнем! Многие считали меня безмозглым юнцом, но я никогда об этом не жалел, никогда!

– Лучше бы ты уговорил дядю Натаниэля дать мне деньги, – проворчала раздосадованная Пола.

– Я попробую, дорогая, но ты же знаешь его! Старый ворчун! Милейший человек, но с причудами.

– Две тысячи фунтов для него пустяк! Не понимаю, почему я не могу получить их сейчас, вместо того чтобы дожидаться его смерти?

– Скверная девчонка! Делишь шкуру неубитого медведя?

– Вовсе нет. Он обещал, что оставит мне кое-какую сумму. В конце концов, я его племянница.

Джозефу не нравился подобный практицизм. Вместо ответа он поцокал языком и снова похлопал Полу по руке.

Мод тем временем с блеском завершила свой пасьянс и неожиданно предложила Поле что-нибудь продекламировать.

– Обожаю хорошую декламацию, – заявила она. – Помнится, я часто читала одно трогательное стихотворение про человека, который умер от жажды на эстакаде Ллано. Кажется, он ехал куда-то верхом. Это было очень драматично, но с тех пор прошло много времени, и я все забыла.

Присутствующие с облегчением перевели дух. Пола сказала, что не любит декламацию, но если бы дядя Натаниэль не вздумал играть в бридж, она бы попросила Уиллоби почитать свою пьесу.

– Полагаю, это было бы очень мило, – безмятежно согласилась Мод.

Натаниэль не привык засиживаться допоздна и не собирался менять свой распорядок дня ради гостей. В одиннадцать часов вечера игроки в бридж вернулись в гостиную, где их уже ждал поднос с напитками, и Натаниэль заявил, что отправляется спать. Эдгар Моттисфонт робко пробормотал:

– Вообще-то я хотел с тобой кое о чем поговорить.

Натаниэль хмуро взглянул на него из-под кустистых бровей.

– Слишком поздно для деловых бесед.

– Я тоже собиралась перекинуться парой слов, – вставила Пола.

– Увы, придется тебя разочаровать, – усмехнулся он.

Мод стала собирать карты.

– Боже мой, уже одиннадцать? Пожалуй, я тоже пойду.

Валери расстроилась, что придется закончить вечернику в такой ранний час, но Джозеф весело воскликнул:

– Надеюсь, больше никто не собирается спать? Темнота – друг молодежи, верно, Валери? Как насчет того, чтобы пойти в бильярдную и включить музыку?

– Лучше, если ты отправишься в кровать, – заметил Натаниэль, на которого энтузиазм брата действовал угнетающе.

– Наоборот! – возразил Джозеф. – Тебе будет гораздо лучше, если ты останешься с нами!

Тут ему в голову пришла неудачная мысль ободряюще хлопнуть его по спине. Все видели, что удар пришелся между лопаток, но Натаниэль, не выносивший прикосновений, застонал от боли:

– Мой радикулит!

Он с трудом поплелся к двери, схватившись за поясницу и шаркая, как инвалид. Его родные давно привыкли к подобным выходкам, но Валери широко распахнула свои красивые глаза и произнесла:

– А я и не знала, что радикулит так опасен.

– Дело не в радикулите. Просто дядя Натаниэль любит развлекаться, – заметил Стивен, протянув Матильде виски с содовой.

– Нет-нет, ты не прав! – запротестовал Джозеф. – У бедняги Натаниэля часто бывают ужасные приступы. Это я сглупил – попал по больному месту. Может, мне пойти за ним?

– Не стоит, – мягко возразила Матильда. – Так он еще больше рассердится. А почему у нашей милой Пола испуганный вид?

– Это все из-за дома! – выпалила та. – Удивляюсь, как вы сидите здесь уже битый час и не чувствуете жуткой атмосферы?

– Тише, актриса говорит! – насмешливо вставил Стивен.

– Смейся сколько хочешь! – огрызнулась Пола. – Но даже ты ощущаешь это напряжение!

– Знаете, очень странно, но я понимаю, о чем говорит Пола, – вмешалась Валери. – Действительно, здесь какая-то особая атмосфера. – Она игриво повернулась к Ройдону: – Вы могли бы написать об этом очаровательную пьесу, правда?

– Я подумаю, – уклонился от прямого ответа драматург.

– О, я уверена, что человек вроде вас может написать прекрасную пьесу о чем угодно! – воскликнула Валери, с восхищением глядя на него.

– Даже о морских свинках, – съязвил Стивен.

Ройдон покраснел.

– Очень смешно.

Он не привык, чтобы его высмеивали, заметила Матильда.

– Позвольте дать вам совет – не обращайте внимания на то, что говорит мой кузен Стивен, – промолвила она.

Стивен никогда не обижался на ее слова и лишь усмехнулся, но тут Джозеф не к месту заявил: «О, мы все знаем, на что способен наш милый медвежонок», – и снова вогнал его в мрачное настроение.

– Господи Иисусе, – еле слышно пробормотал он.

Пола вскочила и нервно откинула волосы со лба.

– Вот-вот, об этом я и говорю! Вы все ведете себя неправильно, потому что на вас действует дом! Это как напряженная струна: она все тянется и тянется, пока не лопнет. Стивен здесь особенно невыносим, я всегда на нервах, Валери флиртует с Уиллоби, чтобы вызвать ревность Стивена, а дядя Джозеф говорит гадости – не потому, что сам хочет, а потому, что его заставляет дом!

– Эй! – крикнула Валери. – Я бы попросила!

– Вы как хотите, а я просто наслаждаюсь приятным вечером, – возразила Матильда. – Святки, детки и все такое. Старое доброе Рождество!

Ройдон задумчиво протянул:

– Я понимаю, о чем говорит Пола. Мне всегда казалось, что окружение сильно влияет на людей.

– «Эта краткая речь, – процитировал Стивен, – была встречена общими рукоплесканиями»⁵.

Джозеф замахал руками:

– Все, все, прекратите! Кто хочет послушать музыку?

– Верно! – подхватила Валери. – Давайте лучше потанцуем. Мистер Ройдон, я уверена, вы замечательный танцор!

Драматург запротестовал, но не особенно сопротивлялся, когда Валери потащила его в бильярдную. Его опьяняла ее красота, и хотя интуиция подсказывала, что она просто морочит ему голову, втайне он наслаждался ее лестью. Разумеется, Пола была более приятным компаньоном, она искренне восхищалась им и могла оценить его интеллектуальные способности, но, если уж говорить начистоту, часто его утомляла, а порой бывала чересчур критична. Поэтому Уиллоби отправился вслед за Валери и Джозефом, решив, что даже гений имеет право иногда расслабиться.

– Уверена, что дядя Натаниэль настроен против твоей суженой, – без обиняков выложила Пола.

Стивен, похоже, воспринял это как комплимент. Он подошел к камину и блаженно вытянулся в кресле.

– Ну наконец-то, – вздохнул он. – Кстати, я тоже не в восторге от твоего кавалера.

– Ты про Уиллоби? Знаю, но у него есть талант! А на остальное мне плевать. К тому же я в него не влюблена. Но, хоть убей, не понимаю, что ты нашел в этой безмозглой кукле?

– Что я в ней нашел, довольно очевидно, – усмехнулся Стивен. – Твой Уиллоби, кстати, это тоже оценил. Не говоря уже про Джозефа, который смотрит на нее телячьим взглядом.

– О, сладкая парочка. – Матильда опустила в соседнее кресло. – Два хама-грубияна. Продолжайте, прошу вас. Не обращайтесь на меня внимания.

– Я люблю говорить напрямик, – заявила Пола. – Ты болван, Стивен! Она бы не согласилась выйти за тебя замуж, если бы не рассчитывала на деньги дяди Натаниэля.

– Знаю, – спокойно произнес Стивен.

– Да и сюда явилась только для того, чтобы его охмурить.

– Знаю, – повторил он.

Минуту они молча смотрели друг на друга. Потом губы Стивена дрогнули, и через секунду оба уже покатывались со смеху под взглядом улыбавшейся Матильды.

– Ты со своим Уиллоби, и я со своей Валери! – с трудом выговорил Стивен. – Бог ты мой!

Пола вытерла глаза – упоминание о драматурге ее мгновенно отрезвило.

– Да, звучит забавно, но я настроена очень серьезно, поверь мне. Он написал великую пьесу, и я собираюсь в ней сыграть, чего бы это мне ни стоило. Надеюсь, завтра он прочтет ее вам.

---

⁵ Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес.

– Что? О Боже, смилуйся над нами! И дяде Натаниэлю тоже? Пола, опомнись!

– Если вы закончили, – вставила Матильда, – может, расскажешь мне, Пола, как именно ты рассчитываешь нас облагодетельствовать? Ты собираешься читать свою роль, или это будет театр одного актера?

– Уиллоби сам прочтет всю пьесу. Он отлично справится. Вероятно, я сыграю какую-нибудь сцену.

– Бедная глупышка! Ты считаешь, что этот праздник духа смягчит сердце твоего дядюшки? Теперь я готова расхохотаться!

– Он должен нам помочь! – упрямо возразила Пола. – Я ничего в жизни не хотела так сильно, как этого. С его стороны будет подло мне отказать.

– Боюсь, голубушка, твои шансы близки к нулю. Не хочу тебя расстраивать, но ты выбрала неподходящее время.

– Это все из-за Стивена. Зачем он притащил сюда свою тупую блондинку? – вспыхнула Пола. – По крайней мере дядя Джозеф замолвит за меня словечко.

– Думаешь, поможет? – усмехнулся Стивен. – Воображаю их разговор!

– Руки прочь от Джозефа! – скомандовала Матильда. – Может, он старый осел, но это единственный приличный человек во всей вашей семье. К тому же ты ему нравишься.

– А мне не нравится, когда я нравлюсь, – проворчал Стивен.

Глава третья

В сочельник выпал легкий снежок. Завтракая в постели, Матильда с улыбкой представляла, как Джозеф будет весь день толковать о снежном Рождестве и, вероятно, даже нацепит на себя коньки. Конечно, часто он ведет себя довольно нудно, но его наивность всегда обезоруживает. Всем было наплевать на Рождество, особенно Натаниэлю. Как только Джозефу пришло в голову, что из его затей с «воссоединением семьи» может выйти что-то путное? Поразмыслив над этим, Матильда пришла к выводу, что безмятежный оптимизм Джозефа связан с недалекостью его натуры. Видимо, он воображал себя таким добрым дядюшкой, всеобщим любимцем, которому каждый поверяет свои секреты.

Она взяла один из тонких бутербродов с маслом, поданных к чаю. Интересно, зачем сюда принесло Стивена? Обычно он приезжал в Лексэм, когда ему что-то требовалось: в первую очередь, конечно, деньги, в которых Натаниэль почти никогда ему не отказывал. Но сейчас деньги нужны Поле, а не Стивену. Судя по тому, что она слышала, Стивен крупно поссорился с дядей несколько недель назад. Ссора, естественно, была далеко не первая – они вечно ругались, – но ее причина, Валери, с тех пор никуда не делась. Непонятно, как Джозеф ухитрился уговорить Натаниэля пригласить Валери! Натаниэль решил, что увлечение Стивена пройдет само собой? Вспоминая вчерашний вечер, Матильда готова была поверить, что это могло произойти – или уже произошло.

Валери, разумеется, уже видела себя хозяйкой Лексэма: кошмарная перспектива! Впрочем, тут имелаась своя странность. Почему Стивен вообще рискнул привезти Валери к Натаниэлю? Этого вполне могло хватить, чтобы навсегда расстаться с надеждой на наследство. А Стивен считал себя его наследником, хотя, здраво рассуждая, никто не мог сказать, что об этом думал сам Натаниэль: он молчал о своем преемнике. Прямо как королева Елизавета. Для такого жесткого и черствого человека – не совсем обычная деталь. Но Джерарды вообще все немного странные: никогда не поймешь, что у них за душой.

Взять хотя бы Полу: к чему она завела разговор про зловещий дом? Действительно так думает или хотела напугать Валери и отвадить ее от Лексэма? С нее станется, подумала Матильда. Дело не в доме, а в том, кто в нем живет. Да, атмосфера тревожная, но для чего Поле понадобилось сгущать краски? Какое причудливое, беспокойное создание! Живет в вечном напряжении, отчаянно стремится то к одному, то к другому, однако умеет так ловко владеть собой, что никогда не догадаешься, в какой момент видишь настоящую Полу, а в какой – очередную роль.

Что касается драматурга... Матильда, отнюдь не страдавшая сентиментальностью, чувствовала к нему жалость. Кто знает, может, у него никогда не было случая проявить себя? Скорее всего он написал неглупую пьесу, в меру унылую и почти наверняка обреченную на кассовый провал. Похоже, сидит на мели: смокинг у бедняги плохо скроен и основательно потерт. За его вызывающим взглядом прячется испуг, словно перед ним уже маячит призрак голодной смерти. И вот он пытается заинтересовать Натаниэля, разрываясь перед страхом казаться попрошайкой и отчаянной нуждой в деньгах... Разумеется, Нат не дал ему ни пенни. Пола поступила глупо и жестоко, внушив ему ложные надежды!

Стивен... Матильда поерзала в постели. Жесткий и колючий, не лучше своего дяди Натаниэля. Вроде не дурак, но собрался жениться на смазливой дуручке. Нельзя же списывать все его причуды на молодость. Или можно? Матильда поставила пустую чашку на столик. Считается, что в его возрасте молодые люди склонны к безрассудным поступкам. Впрочем, раньше Стивен обожал еще одну вертихвостку – собственную мать в отличие от Полы, не питавшей насчет Киски иллюзий.

Киска! Даже собственные дети звали ее так! Что это за имя для матери? Бедная Киска во вдовьем трауре, который был ей так к лицу! Милая Киска, столь незащищенная и беспомощная в этом жестоком мире! Умная Киска, которая вышла замуж, да не один, а целых три раза, именовалась теперь миссис Сайрус П. Фэнет и жила припеваючи в Чикаго, шокируя местную публику экстравагантными нарядами! Стивен, долго не желавший видеть правду, наверняка был страшно разочарован и болезненно переживал крушение своих иллюзий. Но кой черт дернул его обручиться с Валери, второй Киской? Кажется, он уже и сам об этом жалел, если судить по тому, как вчера они хохотали с Полой.

Что касается Валери... Матильде не хотелось думать, что она просто охотится за деньгами. Кто знает, может, Стивен привлек ее как раз теми чертами своего характера, которые обычно отталкивают людей: грубостью, резкостью, нежеланием нравиться и острым ироническим блеском в глубоко посаженных глазах?

Любопытно, однако, что обо всем этом думает Мод (если она вообще о чем-либо думает – Матильда так и не решила для себя этот вопрос)? Мод, с ее вечным пасьянсом и дурацкими книжками про знаменитостей, которые она обожает... Матильда подозревала, что Мод скрывает намного больше, чем хочет показать. На свете просто не бывает таких непробиваемых людей! Вероятно, под ее внешней безмятежностью прячется острый ум, хотя при любых попытках Матильды вызвать ее на разговор Мод неизменно демонстрировала лишь скучную банальность, защищавшую ее, как надежная броня. Матильда могла поспорить, что ни одна живая душа не знала, что Мод на самом деле думала о своем нелепом муженьке, его бесцеремонном братце и вечных ссорах в клане Джерардов. Казалось, ее не задевало пренебрежение, с которым Натаниэль относился к Джозефу: она его попросту не замечала, словно раз и навсегда свыкшись с ролью приживалки, из милости принятой в чужом доме.

То, что подобное положение не удручало самого Джозефа, разумеется, никого не удивляло. У него был особый дар превращать суровую реальность в приятные иллюзии. Если он ухитрялся видеть в Стивене неловкого молодого человека с золотым сердцем, что ему мешало вопреки всякой очевидности считать Натаниэля радушным хозяином и добряком, преданным своей семье? Не успев появиться в его доме, Джозеф придумал удобную версию своих отношений с братом. Натаниэль, уверял Джозеф, очень одинок и стареет с каждым днем; вслух он, конечно, в этом никогда не признается, но ему приходится все больше опираться на своего младшего брата. Без Джозефа он просто пропал бы.

И раз уж ему удавалось так ловко исказить образ родного брата, можно представить, сквозь какие розовые очки он видел самого себя! Матильда полагала, что легко читает его мысли. Потерпев в жизни неудачу, он наверняка утешал себя ролью такого семейного миротворца, всеми обожаемого дядюшки. Вот почему ему так хотелось устроить этот семейный праздник.

Матильда рассмеялась и откинулась на подушки, собираясь встать. Бедняга Джозеф лихорадочно мечется среди гостей, действуя всем на нервы и воображая, будто устраивает их дела! Будет просто чудом, если у Натаниэля не случится нервный срыв. Больше всего Джозеф похож на доброго и бестолкового щенка, который путается под ногами у раздраженных взрослых.

Спустившись в столовую, Матильда заметила, что ее опасения начали оправдываться.
– Доброе утро, – поздоровался Джозеф. – Снег на Рождество, как я и говорил!

Натаниэль уже успел позавтракать и удалиться. Матильда села рядом с Эдгаром Моттисфонтом, надеясь, что тот не станет развлекать ее беседой.

Не считая нескольких замечаний о погоде, Моттисфонт не сказал ни слова. Матильде показалось, что ему не по себе. Почему? Она вспомнила, что вчера он хотел поговорить с Натаниэлем, и у нее возникло неприятное предчувствие.

Валери позавтракала тостом и половинкой грейпфрута – объяснив, что бережет фигуру – и поинтересовалась, чем они займются сегодня. Оказалось, что в общих развлечениях заинтересован только Джозеф. Стивен буркнул, что пойдет гулять, Пола заявила, что ничего не планирует, Ройдон вообще промолчал, а Матильда лишь усмехнулась.

Мод заметила, что в поместье очень живописные окрестности.

– Прогулка по первому снежку! Ах, Стивен, ты искуситель! – воскликнул Джозеф, потирая руки. – А что скажет Валери? Кто хочет проветриться и бросить вызов стихии?

– Впрочем, я передумал, – произнес Стивен. – Останусь дома.

Джозеф стойко выдержал этот удар и со смехом покрутил головой.

– Кто-то сегодня встал не с той ноги.

Валери обратила на драматурга большие голубые глаза.

– Вы почитаете нам свою пьесу, Уиллоби?

Она всегда быстро переходила с фамилий на имена, но Ройдон почувствовал себя польщенным, даже взволнованным этой неожиданной близостью. Запинаясь, он пробормотал, что с удовольствием прочтет ей пьесу. Пола с ходу отмела эту идею.

– Какой смысл читать одной Валери? – возмутилась она. – Все должны ее услышать.

– Только не я, – заметил Стивен.

Ройдон сдвинул брови и ответил, что не собирается никому навязывать свою пьесу.

– Просто не люблю, когда читают вслух, – небрежно объяснил Стивен.

– Ну все, все, – вмешался Джозеф. – Мы хотим услышать пьесу! Не обращайтесь внимания на Стивена. Как насчет того, чтобы устроить чтение после чая? Соберемся вокруг камина и насладимся маленьким спектаклем.

– Верно! – просияла Пола. – Если начнем сразу после чая, дядя Натаниэль не успеет уйти.

– И остальные тоже, – добавил ее брат.

Ройдон хмуро возразил, что у него нет желания рассыпать перлы своего творчества перед равнодушной аудиторией. Стивен воскликнул: «Отлично!», – но все остальные бросились уговаривать автора. Наконец решили, что чтение состоится сразу после чая. А если кто-то ничего не смыслит в искусстве, добавила Пола, стрельнув в Стивена злобным взглядом, то силой его туда никто не тащит.

Вскоре оказалось, что по поручению Джозефа садовник срубил ель и принес ее в дом, где им предстояло ее украсить. Он вызвал добровольцев, но Пола сочла затею глупой, а Стивен лишь поморщился. Эдгар Моттисфонт пробормотал, что подобные забавы нравятся молодежи; что касается Мод, то она явно не собиралась прилагать усилий. Вместо этого она погрузилась в «Жизнь австрийской императрицы» и поразила гостей известием, что все венгры обожали Елизавету. Впрочем, она опасалась, что у бедняжки было расстройство психики, и предложила Ройдону написать об этом пьесу.

Драматург опешил. Скорчив гримасу, он заметил, что костюмные пьесы не в его стиле.

– У нее очень драматичная биография, – запротестовала Мод. – Это вам не какая там галантная история.

Джозеф поспешил вставить, что вряд ли это хорошая идея, и спросил, не хочет ли она отложить книгу и помочь ему украсить елку.

Мод отказалась. В конце концов на его призыв о помощи отозвалась одна Матильда. Она с блеском доказала свою приверженность к новогодней мишуре и ревностно взялась за развешивание цветных шаров и игрушечных сосулек.

– Боюсь, Джозеф, – заметила она, когда остальные гости разошлись, – никто не в восторге от твоей затеи с веселым Рождеством.

– Все еще впереди, дорогуша, – оптимистично заверил он. – Я припас кое-какие подарки на елку. И конечно, парочку хлопушек!

– Тебе не показалось, будто Эдгар Моттисфонт чем-то расстроен? – спросила Матильда.

– Пожалуй, – кивнул Джозеф. – Наверное, какие-то проблемы с бизнесом. Ты же знаешь, наш Натаниэль такой растяпа! Но все наладится, вот увидишь.

Однако во время второго завтрака Моттисфонт пребывал не в праздничном настроении. Судя по всему, его разговор с деловым партнером завершился неудачно. Он выглядел подавленным и удрученным, а Натаниэль сидел с недовольным видом и упорно уклонялся от любого участия в беседе. Его дурное настроение заметили все, кроме Валери, которая без умолку болтала с драматургом. Стивен был мрачен, его сестра не находила себе места, Матильда молчала, драматург нервничал, а Джозеф бестактно подшучивал над всеми, называя их занудами.

Но когда приуныл и Джозеф, хозяин дома наконец повеселел. Казалось, он был очень доволен тем, что испортил настроение своим гостям. Натаниэль чуть ли не потирал руки от удовольствия. Когда присутствующие поднялись из-за стола, он даже поинтересовался, чем они намерены заняться днем.

Мод, очнувшись от долгого молчания, ответила, что, как обычно, отдохнет у себя в комнате, прихватив с собой книгу. Ее все еще увлекала мысль о биографической пьесе, посвященной императрице, и она заметила, что, конечно, будет трудно изобразить ее эксцентричные прогулки.

– Но я уверена, мистер Ройдон справится, – великодушно добавила она.

– Уиллоби не пишет такие пьесы, – отрезала Пола.

– Дорогая, я просто хотела сказать, что это было бы очень интересно, – произнесла Мод. – Столько романтики!

Натаниэль, заметив, что жизнь императрицы наводит смертельную скуку на его гостей, ухватился за эту тему и проявил к ней живейший интерес. Всем, кроме удалившегося Стивена, снова пришлось выслушать истории про длинные волосы Елизаветы, ее выступления в цирке и ревность эрцгерцогини.

– Кто бы мог подумать, – шепнула Матильда на ухо Моттисфонту, – что заурядных людей так волнует биография императриц?

Тот ответил ей хмурой улыбкой, но промолчал.

– Кому какое дело до Елизаветы Австрийской? – не выдержала наконец Пола.

– Это история, милая, – объяснила Мод.

– Ненавижу историю. Я живу в настоящем.

– Кстати, о настоящем, – вставил Джозеф. – Кто поможет нам с Матильдой нарядить елку? – И он бросил умоляющий взгляд на Полу.

– Ладно, – нехотя согласилась она. – Видимо, придется. Хотя я все равно считаю, что это глупость.

Поскольку опять пошел снег, а других развлечений не предвиделось, Валери и Ройдон тоже присоединились к украшению елки. Сначала они хотели пойти в бильярдную и включить музыку, но не устояли перед соблазнительным блеском мишурного «дождя», кручеными свечами и искусственным снегом. Ройдон намеревался прочесть небольшую лекцию о нелепости старых традиций, к тому же заимствованных у немцев, но когда Матильда стала крепить на ветках подсвечники, сразу забыл про свою ученость и закричал:

– Эй, эй, дайте лучше мне! Вы так елку спалите!

Валери нашла коробку с витыми сосульками и принялась прилаживать их, приговаривая:

– Ах, какая милая вещица! Смотрите, вот здесь надо что-нибудь повесить!

Джозеф был на седьмом небе от счастья. Он бросал на Матильду торжествующие взгляды, потирал руки и суеился вокруг елки, шумно восхищаясь работой каждого участника и подхватывая падавшие игрушки, когда их кто-нибудь ронял, что случалось постоянно. Ближе к чаю появилась Мод, сообщив, что елка выглядит отлично и что, к ее удивлению, Елизавета оказалась кузиной Людвига Баварского, странного и трогательного короля-безумца, некогда приютившего Вагнера.

После безуспешных попыток обсудить с Матильдой, сколько лет еще может прожить Натаниэль, Пола почти силой утащила своего дядю в гостиную, прервав его деловую беседу с Моттисфонтом, и чуть позже присоединилась к остальным. Все ее участие в украшении елки свелось к тому, что она нервно расхаживала по комнате, критиковала всех, много курила и восклицала, что если Натаниэль собирается оставить ей в наследство деньги, то почему она не может получить их сейчас, а не после его смерти? На нее никто не обращал внимания, кроме Матильды, которая снова посоветовала ей не делить шкуру неубитого медведя.

– Шкура уже есть, – мрачно произнесла Пола. – Дядя сказал, что давно завещал мне кругленькую сумму. Я же не говорю, что хочу все прямо сейчас! Мне хватит и пары тысяч фунтов, а для дяди Натаниэля это пустяки.

Ройдон, услышав ее слова, покраснел до ушей и притворился, будто занят развешиванием гирлянды.

Пола уже не могла остановиться. Она ходила по комнате и продолжала свой нудный монолог, который слушал только Джозеф. Он попытался утешить ее, сказав, что от души ей сочувствует и в его жизни был похожий эпизод, когда в Мельбурне ему дали роль Макбета.

– Ты никогда не играл Макбета, – усмехнулась Матильда.

Ничуть не смутившись, он ответил, что исполнял все трагические роли. Джозеф не заметил, что в комнату вошла его жена, к которой Матильда тут же обратилась с просьбой опровергнуть эту вопиющую ложь.

– Не помню, чтобы он когда-то играл Макбета, – спокойно ответила Мод. – Но Джозеф прекрасно исполнял характерные роли, просто великолепно.

Все сразу представили Джозефа в роли первого могильщика, и даже у Полы дрогнули губы. Мод, словно не заметив реакции гостей, невозмутимо принялась вспоминать разные мелкие роли, где успешно выступал Джозеф, и пообещала поискать книгу с газетными вырезками, которые куда-то задевала.

– А потом окажется, что ее кто-нибудь стащил, – громко прошептал Стивен на ухо Матильде.

Она не слышала, как он вошел в комнату, и вздрогнула. Стивен стоял у нее за спиной, сунув руки в карманы и зажав в зубах трубку. Его лицо выражало мрачное удовлетворение, в глазах блестел огонек, а на губах играла улыбка. Матильда хорошо знала, что означают эти симптомы: Стивен с кем-то поссорился, скорее всего с дядей.

– Ты болван! – воскликнула она.

Он взглянул на нее сверху вниз, слегка приподняв брови.

– Почему?

– Потому что ссоришься с дядей.

– И что? Я всегда с ним ссорюсь.

– Он наверняка оставит тебе наследство.

– Знаю.

– Это Натаниэль тебе сказал? – удивилась Матильда.

– Нет. Была душещипательная беседа с дядюшкой Джозефом.

– Когда?

– Вчера вечером, когда ты отправилась ко сну.

– Он так тебе и сказал? Что Натаниэль сделает тебя наследником?

Стивен пожал плечами:

– Ну, намекал, подмигивал и подталкивал локтем.

– Наверное, он в курсе. Будь осторожнее. Натаниэль может и передумать.

– Да, – кивнул Стивен.

Матильду вдруг охватила усталость.

– Тогда зачем его раздражать?

У него погасла трубка, и он начал ее раскуривать. Его глаза блеснули над чубуком.

– А кто его раздражает? Просто ему не нравится моя невеста.

– А тебе? – вырвалось у Матильды.

Стивен взглянул на нее, похоже, довольный тем, что она смутилась.

– Это и так понятно.

– Извини, – буркнула она и отвернулась.

Матильда стала раздраженно поправлять свечи на елке. Сам черт не разберет, что у Стивена на душе. Видимо, он влюблен в Валери; может, любил раньше, или все дело в одном упрямстве. Но разве это причина, чтобы упускать целое состояние? Конечно, на свете бывают дураки, но не до такой же степени, с улыбкой подумала Матильда. Она покосилась на Стивена и мысленно добавила: «Хотя с тебя станется. Ты похож на бультерьера, который вечно злится, рычит и ищет неприятностей, всегда готовый кинуться в драку, даже если другие псы дружелюбно виляют хвостом. Ах, Стивен, дурачок, неужели ты окажешься таким олухом?»

Она снова посмотрела на него, на сей раз открыто, потому что он смотрел в другую сторону, и увидела, что его взгляд прикован к Валери, которую Джозеф увлек к оконному проему. Он почти не улыбался, но Матильде показалось, что втайне он обдумывает какую-то злую шутку.

Она подумала: «Да, но ты совсем не дурак, вероятно, в тебе даже есть что-то от дьявола. Хладнокровен, с извращенным чувством юмора. Хотела бы я знать, что у тебя на уме?» В голове у нее вдруг промелькнуло: «Похоже, зря я сюда приехала».

– Господи, как я ненавижу этот дом! – вдруг воскликнула Пола.

Стивен зевнул. Ройдон спросил:

– Почему?

Она вынула из длинного мундштука окурок и бросила в камин.

– Не знаю, как получше выразиться. Если я скажу слово «зло», то ты рассмеешься.

– Ни в коем случае, – произнес он. – Я верю, что среда сильно действует на человека. Ты всегда была восприимчива к подобному.

– О, Уиллоби, не надо, – неожиданно попросила Валери, отвернувшись от Джозефа. – Мне и так постоянно кажется, что за мной кто-то следит!

– Глупости, молодые люди, глупости! – бодро вмешался Джозеф. – Уверяю вас, в Лексэме нет никаких призраков!

Пола презрительно усмехнулась:

– Призраков?

– Я полагаю, что избыток воображения происходит от расстройства печени, – заметила Матильда.

Пола воззрилась на нее с таким бешенством, что она поспешила спросить, не пора ли пить чай. Джозеф немедленно поддержал ее и стал выгонять всех из комнаты – «почистить перышки». Сам он собирался закончить с праздничными украшениями (пару последних штрихов, не более) и попросил Валери подержать инструменты.

Инструментами оказались две ленты серпантина, большой бумажный фонарь, ветка омелы, молоток и коробка канцелярских кнопок. Валери уже наскучило наряжать елку, и она взяла все это с унылым видом, спросив:

– Мы уже много всего повесили, разве нет?

– Осталась лестница, – напомнил Джозеф. – Она выглядит слишком голо. Я хотел закончить все до ужина, но, увы, вмешался злой рок.

– Жаль, что у рока не нашлось дел поинтереснее, – усмехнулся Стивен, направляясь вместе с Матильдой к двери.

Джозеф шутливо погрозил ему кулаком и снова взялся за стремянку.

– Боюсь, Стивен сочтет меня вандалом, – обратился он к Валери. – Честно говоря, я равнодушен ко всем этим древностям. Вероятно, кто-то назовет меня старым простофилей, но, поверьте, я ничуть этого не стыжусь. Я люблю, чтобы в доме было уютно и весело, и мне наплевать, когда сделали эту лестницу, при Кромвеле или королеве Виктории.

– Но ведь это очень старый дом? – спросила Валери, с любопытством взглянув на лестницу.

– Да, и довольно примечательный, – ответил Джозеф, поднявшись по шатким ступенькам на площадку и установив на ней стремянку. – Даже не знаю, с чего начать. Может, повесить бумажный фонарь на люстру?

– Наверное, мистер Джерард очень богатый человек, – задумчиво протянула Валери.

– Очень! – улыбнулся ей сверху Джозеф.

– Я вот подумала...

– Мне кажется, моя дорогая, я догадываюсь, о чем вы подумали. Такие вопросы обычно не обсуждают вслух, но мне давно хотелось с вами побеседовать.

Валери вопросительно посмотрела на него.

– Конечно, говорите, я все пойму.

Джозеф спустился с лестницы и взял Валери за руку.

– Полагаю, вам известно, что я питаю к Стивену глубокую симпатию.

– Да, да, и это так мило с вашей стороны! – воскликнула она.

Ее слова прозвучали не так уж глупо, если учесть, что Стивен только и делал, что ему грубил.

– О, я понимаю Стивена, – продолжил Джозеф, неожиданно превратившись из беспечного весельчака в старого мудреца. – А понять – значит простить.

– Я всегда думала, что это верно, – согласилась Валери. Немного помолчав, она добавила: – Но разве Стивен... Я хочу сказать, разве есть что-то такое, что нужно...

– Нет, нет, – торопливо заверил Джозеф. – Но жизнь была к нему слишком сурова, увы! Меня судьба тоже не баловала, видимо, поэтому я так хорошо его понимаю.

Он вздохнул, но Валери не было никакого дело до его жизненных неурядиц, и она даже не обратила внимания, что вместо мудреца перед ней стоял уже галантный кавалер и чувствительный художник. Она лишь тихо пробормотала:

– О, вот как.

Джозеф был немного раздражен. Менее эгоцентричная девушка наверняка догадалась бы подыграть ему и сразу забросала бы его сочувственными вопросами. А теперь ему ничего не оставалось, как вернуться к роли доброго дядюшки.

– Впрочем, не будем обо мне! Моя жизнь не в счет, я уже стою одной ногой в могиле. А для Стивена все только начинается. Боже, каким я был в его возрасте! Сколько между нами общего! Я тоже постоянно бунтовал. Наверное, вам трудно в это поверить, глядя на такого старого скучного зануду?

– Нет, что вы, – ответила Валери.

– Увы, годы летят! – снова вздохнул Джозеф. – Знаете, оглядываясь назад, я ничуть не жалею о беспечной поре своей юности.

– Правда?

– Да, – уныло подтвердил он. – Но к чему докучать столь очаровательной особе рассказами про мою бурную молодость? Я хотел побеседовать с вами о Стивене.

– В последнее время он ведет себя по-свински, – откровенно призналась Валери. – Меня это очень угнетает, но он эгоист, и ему наплевать, что я думаю. Честно говоря, сейчас я его просто ненавижу.

– Но вы его любите! – воскликнул удивленный Джозеф.

– Да, но вы понимаете, о чем я.

– Пожалуй, – кивнул тот. – И я надеюсь, что вы используете все свое влияние на Стивена, чтобы мне помочь.

– Я? – Валери уставилась на него в изумлении.

Он мягко сжал ее руку.

– Только не говорите, что не можете на него повлиять! Нет-нет, я вам не поверю!

– Но чего вы от меня хотите? – спросила она.

– Не позволяйте ему раздражать своего дядю, – ответил Джозеф. – Вот чего. Уговорите его вести себя разумно! Наверное, я меньше всего гожусь на то, чтобы призывать кого бы то ни было к благоразумию, но согласитесь – было бы глупо потерять все это из-за вздорного характера! – И он широким жестом обвел весь дом.

Глаза Валери блеснули.

– О, мистер Джерард, значит, он действительно решил оставить все Стивену?

– Милочка, вы не должны спрашивать меня об этом, – произнес Джозеф. – Могу сказать одно: я сделал все, что мог, и остальное зависит только от Стивена и от вас.

– Да, но мне кажется, я совсем не нравлюсь мистеру Джерарду, – возразила Валери. – Что довольно странно, потому что обычно я быстро нахожу общий язык с пожилыми мужчинами. Даже не знаю почему.

– А вы взгляните в зеркало! – галантно улыбнулся Джозеф. – Боюсь, наш Натаниэль – женоненавистник. Но пусть вас это не волнует. Просто вразумите своего молодого человека, прошу вас.

– Я попытаюсь, – кивнула она. – Только боюсь, он не станет меня слушать.

– Еще как послушает!

– У меня такое чувство, что он гораздо больше интересуется Матильдой Клэр, чем мной. Я даже хотела спросить – не запала ли она на него?

– Кто, Матильда? – улыбнулся Джозеф. – Господи, голубушка, какая ерунда! Да Стивен даже не посмотрит в ее сторону!

– Вы правда так думаете? Еще бы, она такая дурнушка. Нет, она мне нравится, но ее нельзя назвать привлекательной, верно?

– Ни капельки, – подтвердил Джозеф. – Матильда просто милая женщина. А теперь нам пора закончить все дела и привести себя в порядок, иначе опоздаем к чаю, и Стивен начнет ко мне ревновать. Я пока оставлю здесь стремянку и после чая доделаю все остальное. Вот так. Надеюсь, тут она никому не помешает?

Лестничная площадка была достаточно просторной, и стремянка не занимала на ней много места, так что вряд ли она могла кому-то помешать. Однако Натаниэль, появившийся через пару минут из библиотеки, немедленно начал возмущаться и раздраженно спросил, когда Джозеф перестанет наконец дурачиться. Спустившийся сверху Стивен поддержал его.

– Да ну вас, нудных ворчунов! – отмахнулся от них Джозеф. – Все к чаю! А, Мод, вот и ты, дорогуша! Как раз вовремя, чтобы проводить гостей к столу. Натаниэль, старина, скорее в гостиную! Стивен, не отставай!

– Чувствуешь себя как дома? – с усмешкой обратился Стивен к Натаниэлю.

Тот, раздраженный балагурством Джозефа, с симпатией взглянул на своего племянника. Он улыбнулся и последовал за Мод в гостиную.

Глава четвертая

По дороге Джозеф сообщил Матильде, что сделал внушение Валери. Она заметила, что это разумный, но бесполезный шаг, однако Джозеф с торжеством указал на то, что отношения между Стивеном и Натаниэлем сейчас хороши как никогда. Матильда усомнилась, что причиной этому стало вмешательство Валери – а не, скажем, предстоящее чтение пьесы, объединившее дядю и племянника как братьев по несчастью, – но было очевидно, что Стивен старается понравиться Натаниэлю.

Затея с чтением действовала ей на нервы. Матильде вообще не нравились подобные представления, а сейчас время и место были выбраны настолько неудачно, что лишь чудо могло избавить пьесу от провала. Она посмотрела на Ройдона, нервно поглощавшего печенье, и сердце ей кольнула жалость. Он был так серьезен, так поглощен жестокой внутренней борьбой между нахальной самоуверенностью и детским страхом опозориться перед враждебной публикой. Матильда приблизилась к нему и, пользуясь тем, что Валери и Джозеф без умолку болтали, перебрасываясь шутками, негромко попросила:

– Расскажите мне, пожалуйста, о вашей пьесе.

– Не думаю, что она кому-то здесь понравится, – угрюмо буркнул драматург.

– Кому-то, может, и нет, – спокойно согласилась Матильда. – Вы уже ставили свои произведения на сцене?

– Нет. Только один раз участвовал в воскресном шоу. Но не с этой пьесой. Она заинтересовала Линду Бари, но из этого ничего не вышло. Пьеса еще слишком сыра... Да, теперь-то я понимаю. Проблема в том, что у меня нет спонсора. – Он откинул волосы со лба и с вызовом добавил: – Я работаю в банке!

– Не самый худший способ проводить время, – заметила она, подумав, что это звучит слишком уж патетично.

– Если бы мне только дали шанс... ноги моей там бы не было!

– Надеюсь, вам повезет. Ваша пьеса может иметь кассовый успех?

– Это серьезное произведение. Мне плевать на кассовый успех, как вы говорите. Во мне есть... в общем, я убежден, что могу писать пьесы – хорошие пьесы! – но соглашусь скорее всю жизнь работать в банке, чем...

– Чем торговать своим искусством, – не удержавшись, закончила Матильда.

Он покраснел, кивнув:

– Да, это я и имел в виду, хотя сознаю, что вы надо мной потешаетесь. Как вы думаете, есть хоть один шанс, что моя пьеса заинтересует мистера Джерарда?

Она не сомневалась, что не заинтересует, но при всей ее честности у нее не хватило духу сказать это ему в глаза. На его осунувшемся лице было написано столько отчаянной надежды, что у Матильды возникли совершенно фантастические планы, как умастить Натаниэля.

– Денег уйдет совсем немного, – с жаром продолжил драматург. – Даже если он не любит искусство, почему бы ему просто не дать шанс Поле? Она великолепна в этой роли. Он сам увидит. Пола хочет сама сыграть одну сцену, чтобы он оценил.

– Кого она играет? – спросила Матильда. Она не стала объяснять, что Натаниэля воротит от одной мысли, что его племянница может появиться на сцене.

– Проститутку, – просто ответил автор.

Матильда поперхнулась чаем. Отряхивая юбку, она чуть не начала уговаривать его отказаться от этой безумной мысли, но ее остановило безнадежное чувство, что все попытки бесполезны и ничто не спасет несчастного от злого рока.

Стивен, проходя мимо к тарелке с печеньем, увидел, что она пролила чай, и протянул ей носовой платок.

– Вот неряха! Держи!

– Чайные пятна не выводятся, – заметила Валери.

– Надо просто покрепче потереть, – возразила Матильда, орудуя платком Стивена.

– Я говорила про платок.

– Платок меня не волнует. Спасибо, Стивен. Тебе его вернуть?

– Обойдусь. Садись к огню и подсохни.

Она так и сделала, отмахиваясь от советов, которыми осыпали ее Мод и Пола. Стивен протянул ей печенье:

– На, подкрепись, пока не начались боевые действия.

Матильда оглянулась и, убедившись, что Ройдон ее не услышит, возмущенно выпалила:

– Она про проститутку!

– Ты о чем? – поинтересовался Стивен. – Об этой идиотской пьесе?

Матильда кивнула, не удержавшись от смешка. Стивен в первый раз за весь день выглядел довольным.

– Ты серьезно? Представляю, как обрадуется дядя! А я уже хотел удрать в свою комнату – якобы писать письма. Теперь ни за что не уйду. Ни за какие сокровища!

– Ради Бога, веди себя прилично, – попросила она. – Сцена и так выйдет кошмарная.

– Глупости, моя милая! Наоборот, все отлично повеселятся.

– Стивен, если ты станешь издеваться над этим несчастным дурачком, я тебя пристрелю!

Он внимательно посмотрел на нее.

– А, вон ты куда клонишь. Не ожидал.

– Дело не в том, болван. Пойми, он слишком уязвим. Это все равно что причинить зло ребенку. К тому же он чудовищно серьезен.

– Мозги на череп давят? – усмехнулся Стивен. – Я его развеселю.

– Не стоит. От невротиков и психопатов лучше держаться подальше.

– О, меня таким не испугаешь.

– Может, хватит изображать из себя героя? – съязвила Матильда. – На меня это не действует.

Стивен рассмеялся и, вернувшись к Натаниэлю, сел с ним рядом на диван. Пола уже говорила о пьесе Ройдона и заранее уничтожала взглядом каждого, кто осмелится покинуть комнату. Натаниэль разговор быстро наскучил:

– В общем, слушать так слушать. Хватит болтать. Как-нибудь разберусь без твоей помощи. Я видел столько всяких пьес – хороших, плохих и никаких, – сколько тебе и не снилось. – Он неожиданно повернулся к Ройдону: – А у вас какая – хорошая или плохая?

Матильда знала, что единственный способ нормально общаться с Джерардами – вести себя так же резко и грубо, как они. Если бы Ройдон нахально ответил: «Хорошая!» – Натаниэль мог бы одобрительно кивнуть. Но Ройдону было не по себе. Он чувствовал себя не в своей тарелке с той самой минуты, как дворецкий Натаниэля окинул его пренебрежительным взглядом. В нем боролись два противоположных чувства: враждебность к хозяину дома, который бередил его и без того издерганное самолюбие, обращаясь с ним свысока, и страстное желание непременно произвести хорошее впечатление и добиться своего. Он пробормотал, запинаясь и краснея:

– Ну, я не могу судить об этом.

– Просто хотел узнать, хороша ваша пьеса или плоха, – равнодушно бросил Натаниэль и отвернулся.

– Не сомневаюсь, что мы все получим большое удовольствие, – произнес Джозеф с сияющей улыбкой.

– Я-то уж точно, – подтвердил Стивен. – Только минуту назад я говорил Матильде, что ни за что не пропущу подобное зрелище.

– Можно подумать, что перед тобой будут разыгрывать фарс! – воскликнула Пола. – Это фрагмент настоящей жизни!

– Проблемная пьеса? – уточнил Моттисфонт с сухим смешком. – Когда-то они были очень популярны, помнишь, Натаниэль?

В его голосе звучали примирительные нотки, но Натаниэль, похоже, был все еще настроен против своего делового партнера и сделал вид, что не услышал.

– Проблемы тут ни при чем, – повысил голос Ройдон. – И я вовсе не хочу доставлять вам удовольствие! Моя задача – заставить вас думать.

– Благородная цель, – отозвался Стивен. – Но вы говорите так, будто без вас мы на это не способны. Не очень-то вежливо.

Драматург растерялся. Он густо покраснел и начал рассыпаться в заверениях, что не имел в виду ничего подобного. Стивен откинулся в кресле и наблюдал за его страданиями с любопытством натуралиста.

Ройдона спасло появление двух слуг, убиравших грязную посуду, но было ясно, что замечание Стивена полностью выбило его из колеи. Взбешенная Пола отвела брата в сторону, а Валери, на которую никто не обращал внимания, обиженно заявила, что не понимает, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. Джозеф, словно догадавшись о сомнительном содержании пьесы, выразил уверенность, что все они достаточно свободомыслящие люди и любую работу оценят по достоинству.

Натаниэль возразил, что не считает себя свободомыслящим, если под этим расплывчатым словом Джозеф понимает терпимость ко всякой пошлятине и чепухе, которыми полны современные пьесы. Матильда еще надеялась, что после всех этих укулов Ройдон встанет на дыбы и откажется от чтения, но тот, хотя и разобиженный, поддался уговорам Пола и Валери, уверявших, что все жаждут услышать его пьесу.

Слуги ушли, и место освободилось. Джозеф начал суетиться, расставляя диванчики и кресла, а Пола достала рукопись и протянула Ройдону, заверив его, что все помнит наизусть. Автору предоставили стол и стул, и тот сел, немного бледный, но с воинственно поднятым подбородком. Наступило молчание, Ройдон прочистил горло, и тут Натаниэль попросил у Стивена спички. Стивен передал ему коробок, и тот стал раскуривать трубку, между делом бросив:

– Начинайте, начинайте! Чего вы ждете?

– «Полюнь», – хрипло произнес Ройдон. – Пьеса в трех актах.

– Отличное название, – с видом знатока заметил Моттисфонт.

Ройдон бросил на него благодарный взгляд и продолжил:

– «Акт первый. Дешевая меблированная комната в третьеразрядной гостинице. Железная кровать с провисшим матрасом и вылезшими пружинами, под расшатанные ножки подложены газеты. Протертые до дыр обои с узором из цветущих роз, перевитых голубыми лентами, местами в темных пятнах».

– Пятнах чего? – поинтересовался Стивен.

Ройдон, застигнутый врасплох этим вопросом, раздраженно вскинул голову:

– Какая разница?

– Для меня никакой, но если это кровь, лучше предупредите сразу, чтобы моя невеста вышла. Ее может вырвать.

– При чем тут кровь? Я не пишу такие пьесы. Просто пятна на обоях.

– Наверное, от сырости, – предположила Мод. – Видимо, в комнате большая влажность. Стивен бросил на нее смеющийся взгляд.

– Это слишком поспешное суждение, тетя. Мы же не знаем замысел автора.

– Заткнитесь, – зашипела на них Пола. – Уиллоби, не обращай внимания на Стивена. Продолжай читать. Вы все – сосредоточьтесь! Будьте серьезны и прочувствуйте атмосферу сцены, это очень важно. Читай, Уиллоби!

Ройдон снова прочистил горло:

– «Сквозь тюль на окнах видны покатые крыши и дымовые трубы соседних зданий. На туалетном столике брошена растрепанная кукла, а в единственном кресле лежит пара грязных розовых корсетов». – Он с вызывающим видом оглядел комнату, словно желая проверить реакцию публики.

– Все понятно! – воскликнул Джозеф. – Автор хотел создать гнетущую атмосферу.

– Верно, – со смешком отозвался Моттисфонт.

– И ему это с блеском удалось, – тепло добавил Стивен.

– Мне всегда казалось, что в корсетах есть что-то гнетущее, – протянула Валери. – Особенно в этих атласных, с миллионом косточек, завязок и прочих прелестей. Разумеется, сейчас носят эластичные пояса или вообще ничего не носят, что бывает гораздо чаще.

– Вам еще придется, милочка, – усмехнулась Матильда.

– Когда я была молодой, – вмешалась Мод, – все носили корсеты. Никому бы и в голову не пришло ходить без них.

– Вы затягивали в корсеты не только свое тело, но и мозги, – угрюмо заметила Пола. – Какое счастье, что я живу в свободные времена.

– Когда я была молода, – снова выдала Мод, – ни одна женщина не стала бы упоминать о подобном на публике!

– Как мило! – воскликнула Валери. – Стивен, дай мне сигарету.

Он передал ей свой портсигар. Ройдон, стараясь говорить сдержанно, спросил, может ли он продолжить.

– Да-да, и поскорее, – раздраженно буркнул Натаниэль. – Хватит болтать про нижнее белье.

– Жаль, но что поделать, – добавил Стивен.

Ройдон проигнорировал это замечание и сердито прочел:

– «За туалетным столиком сидит Люсетта Мэй. На ней дешевый розовый пеньюар, почти не прикрывающий...»

– Берегитесь! – предупредил Стивен.

– «Рваные кружева и полы пеньюара сильно испачканы», – с вызовом закончил автор.

– Замечательная деталь, – одобрила Валери.

– Просто удивительно, сколько грязи можно собрать с ковров, даже если их чистят пылесосом, а здесь как раз не чистят, – произнесла Мод. – Что уж говорить про убогие театральные гримерные.

– Это не театральная гримерная! – крикнул Ройдон. – По ходу действия станет ясно, что это бордель!

В комнате повисло молчание.

– Думаю, и там они не чище, – проговорила Мод.

– Однако! – с угрозой произнес Натаниэль.

Джозеф поспешил вмешаться:

– Нельзя постоянно перебивать автора! Так мы совсем его смутим. В конце концов, мы современные люди и умеем широко смотреть на вещи!

– Говори за себя! – рыкнул на него Натаниэль.

– Он и говорит за себя, – ввернул Стивен. – И надо отдать ему должное – за большинство из нас.

– Может, мне дальше не читать? – сухо осведомился Ройдон. – Хочу сразу предупредить – пьеса не для слабонервных.

– Дальше, дальше! – потребовала Валери. – Я уже чувствую, что мне понравится. Перестаньте его перебивать!

– «Она сидит неподвижно, глядя на свое отражение в зеркале, – неожиданно продекларировала Пола звенящим голосом. – Потом достает помаду и начинает красить губы. В дверь стучат. Выпрямив усталое тело, она профессиональным жестом взбивает волосы, принимает кокетливую позу и говорит: “Войдите!”»

Пола добросовестно продемонстрировала все эти жесты, немыслимые в добропорядочном обществе, и Матильда не выдержала. Между приступами смеха она с трудом пробормотала, что просит прощения, но декламация всегда оказывает на нее такое действие.

– Не понимаю, что тут может быть смешного! – крикнула Пола, бросив на нее злобный взгляд. – Смех – совершенно неуместная реакция!

– Дело не в тебе, – сокрушенно заверила ее Матильда. – На самом деле чем трагичнее декламирует актер, тем больше мне хочется смеяться.

– Я тебя прекрасно понимаю, – улыбнулся Джозеф. – Пола, дорогая, Матильда как раз отреагировала правильно! Ты так сильно и точно сыграла эту сценку, что у нее сдали нервы. Помню, однажды в Монреале я играл перед полным залом: все слушали затаив дыхание. Публика была у меня в руках, я чувствовал, что могу делать с ней все, что захочу. Перед кульминацией повисла глубокая пауза, все замерли в напряжении. И тут в дальнем ряду кто-то громко засмеялся. Нелепость? Нет! Я знал, почему он засмеялся, знал, почему он не мог не смеяться!

– Кажется, я тоже догадываюсь почему, – заметил Стивен.

Натаниэлю так понравилась эта реплика, что он передумал прекращать чтение «Полюни» и поторопил Ройдона.

Драматург отчеканил:

– «Входит миссис Перкинс, хозяйка дома».

Он посвятил новому персонажу целый абзац, расписав его в таких черных красках, что ему почти удалось привлечь внимание публики, но тут Мод принялась украдкой ходить по комнате и что-то искать.

– Незнание сведет меня с ума! – не выдержал наконец Стивен. – Что вы ищете, тетя?

– Все в порядке, голубчик, я не хочу никому мешать, – с деланным смущением отозвалась она. – Не могу понять, куда я дела свое вязанье. Продолжайте, мистер Ройдон! Очень интересно! Даже дух захватывает.

Стивен с Матильдой присоединились к поискам, и он шепнул ей на ухо, что всегда хотел знать, в каком месте Джозеф откопал Мод, а вот теперь ему все стало ясно. Матильда извлекла из-под подушки носок с четырьмя иголками и назвала Стивена наглецом.

– Спасибо, милочка, – поблагодарила Мод, снова усевшись у огня. – Теперь можно заниматься двумя делами сразу.

Дальше чтение продолжалось под стук вязальных спиц. Пьеса, на взгляд Матильды, оказалась не такой уж плохой, местами почти блестящей, но абсолютно не пригодной для гостиной. Как и следовало ожидать, в ней встречалось много мрачных и грубых сцен, а некоторые фрагменты можно было просто опустить. Пола с большим чувством сыграла один из эпизодов, однако ни ей, ни Ройдону не пришло в голову, что Натаниэль отнюдь не придет в восторг, увидев свою племянницу в роли падшей женщины. Все представление он едва сдерживал себя, и с чем большей страстью и энергией Пола напрягала голос, тем больше хмурился и ерзал в кресле, бормоча что-то себе под нос с мрачным видом, не сулившим ничего хорошего ни драматургу, ни актрисе.

Чтение закончилось к семи часам, и во время последнего акта Натаниэль трижды посмотрел на часы. Очередное замечание Стивена заставило его угрюмо усмехнуться, но когда Ройдон отложил рукопись, на его лице не было ни тени улыбки. Он процедил сквозь зубы:

– Весьма назидательно.

Пола, взбудораженная своей игрой, не расслышала в его голосе злобных ноток. Ее щеки покраснелись, темные глаза блестели, а худые руки, всегда нервные и подвижные, буквально плясали в воздухе. Она взволнованно протянула их к Натаниэлю:

– Правда, чудесная пьеса?

Матильда, Джозеф, Валери, даже шокированный пьесой Моттисфонт – все заговорили разом, словно стараясь удержать ту брань, которая была готова вот-вот сорваться с уст Натаниэля. Стивен, расслабленно откинувшись в кресле, иронически смотрел на них. От страха перед тем, что Натаниэль может наговорить автору, они начали хвалить пьесу. Ройдон сиял от радости, но поглядывал на хозяина дома, и в его взгляде было столько беспокойства и тревоги, что от жалости к нему все еще громче сыпали похвалами: «блестяще», «потрясающе», «оригинально», «мастерски».

Пола с непробиваемой глупостью, за которую Матильде хотелось ее стукнуть по голове, широким жестом отмела похвалы своей игре и обратилась к дяде:

– Мы прочитали тебе пьесу. Теперь ты поможешь Уиллоби?

– Если ты спрашиваешь, согласен ли я выбросить деньги на эту непристойную галиматью, – определенно нет!

Пола уставилась на него, словно не веря своим ушам.

– Но разве... разве ты не понимаешь, что эта роль создана для меня? – спросила она, задыхаясь.

– Будь я проклят! – крикнул Натаниэль. – Куда катится этот мир, если девушка из приличной семьи преспокойно заявляет, что создана играть шлюху?

– Снова эта ханжеская чушь! – с презрением бросила Пола. – Мы говорим об искусстве!

– Ах, об искусстве? – прогремел Натаниэль. – Значит, так вы понимаете искусство, молодая леди? Что ж, я придерживаюсь иного мнения!

Вскоре, к сожалению для всех присутствующих, оказалось, что это была только преамбула. У Натаниэля нашлось еще много поводов для возмущения – начиная с упадка современной драмы и бездарности молодых драматургов и заканчивая глупостью женщин вообще и его племянницы в частности. Для большей убедительности он добавил, что мать Полы поступила бы гораздо лучше, если бы осталась дома и воспитывала свою дочь, а не скакала бы по всему миру, выходя замуж за первого попавшегося Тома, Дика или Гарри.

Всем, кто удостоился чести выслушать его замечания, стало ясно, что молодого драматурга лучше увести куда-нибудь подальше, пока гнев Натаниэля не утихнет. Матильда благородно взяла эту роль на себя и, подойдя к Ройдону, сказала, что ее чрезвычайно заинтересовала «Полынь» и она хотела бы о ней побеседовать. Ройдон, очарованный обаянием Матильды и к тому же горевший желанием обсудить свою пьесу, позволил вывести себя из комнаты, а Джозеф присоединился к гостям, столпившимся вокруг его рассерженного брата, и игриво похлопал его по спине:

– Ну что, Натаниэль, мы с тобой стреляные воробьи, верно? Пьеса тяжелая, даже грубая, но, мне кажется, у нее есть свои достоинства. Как ты считаешь?

Натаниэль сразу скрутил радикулит:

– Ты что делаешь? Моя спина! – простонал он, схватившись за поясницу, и заковылял к креслу.

– Я думала, вам уже лучше, – невинно прощбетала Валери.

Натаниэль бросил на нее убийственный взгляд и ответил тоном безнадежного больного:

– Стоит чуть тронуть, и новый приступ.

– Чепуха! – воскликнула Пола с излишней горячностью. – Минуту назад ты про него даже не думал! Ты ужасный притворщик, дядя!

Натаниэль любил семейные перебранки, но не выносил, когда кто-нибудь сомневался в его радикулите. Он глухо пробормотал, что когда-нибудь Пола пожалеет о своих словах.

Мод убрала вязанье и рассудительно предложила принять антифлогистин, если боль так невыносима.

– Конечно, невыносима, – отрезал Натаниэль. – И я не намерен слушать все эти гадости, которые мне тут говорят. Если бы кто-нибудь хоть на минуту позаботился... Но наверное, я требую слишком многого! Мало того что в мой дом набилась целая толпа, так я еще должен сидеть и слушать пьесу, от которой любая приличная женщина сгорела бы от стыда!

– Только не носи чушь про приличных женщин! – вспыхнула Пола. – Меня от нее тошнит! Если ты не можешь оценить работу гения, тем хуже для тебя! Дрожишь из-за каждого пенни, а на остальное тебе плевать! Ты жадина и лицемер, и я презираю тебя до глубины души!

– Конечно, ты только и мечтаешь меня скорее похоронить! – прогремел Натаниэль, наслаждаясь бурной перепалкой. – Думаешь, я не вижу тебя насквозь? Все женщины таковы – им только деньги подавай! Но я не намерен транжирить свои средства на твоих жалких сопляков!

– Отлично, – трагическим тоном произнесла Пола. – Подавись своими деньгами! Но учти – после твоей смерти я истрачу каждый пенни, который ты мне оставишь, на самые скверные и непристойные пьесы! И я хочу, чтобы ты об этом знал, переворачивался в гробу и жалел, что так мерзко поступал со мной, когда был жив!

Натаниэль пришел в восторг от ее атаки и даже забыл про свой радикулит. Выпрямившись в кресле, он угрожающе напомнил, что она слишком торопится, потому что после всего сказанного он непременно кое-что изменит.

– Ну и прекрасно, – презрительно фыркнула Пола. – Не нужны мне твои деньги.

– А, вот как ты запела! – воскликнул Натаниэль с довольным огоньком в глазах. – Да ты только и мечтаешь, как урвать у меня эту пару тысяч фунтов! Ты за них готова меня убить!

– Что для тебя две тысячи фунтов? – с пафосом возразила Пола. – Ты бы даже не заметил подобной мелочи! Но из-за того, что у тебя вкусы обывателя, ты лишаешь меня единственной вещи, которая мне нужна. Более того – ты лишаешь меня шанса в жизни!

– Ну, это тыхватила, – скептически усмехнулся Стивен.

– Заткнись! – накинулась на него Пола. – Ты только и делал, что мешал Уиллоби! Видимо, дрожишь от мысли, что твоя сестра появится в роли проститутки!

– Да мне чихать на твои роли. Я хочу, чтобы ты перестала изображать леди Макбет. Просто выворачивает от твоих тирад.

– Будь у тебя хоть капля совести, ты бы встал на мою сторону!

– Значит, у меня нет совести. Мне не нравится ни пьеса, ни ее автор. И я ненавижу, когда мне читают вслух.

– Детки, детки! – вмешался Джозеф. – Ради Бога, прекратите! В канун Рождества!..

– Короче, мне все это надоело, – объявил Стивен. Он поднялся из кресла и направился к двери. – Расскажите потом, чем закончилась битва. Ставлю шесть против четырех на дядю Натаниэля.

– Ох, Стивен, ну ты и юморист, – захихикала Валери.

Эта реплика некстати напомнила Натаниэлю о ее существовании. Он уставился на нее, с отвращением оценив ее пустоголовую смазливость, пунцовые ногти и глупый смех. Затем он излил свои эмоции, накинувшись на Стивена:

– Думаешь, ты чем-то лучше своей сестры? Вы одинаковые. У тебя дурной вкус, ясно? Чтобы вашей ноги больше не было в Лексэме! Зарубите это себе на носу!

– Та-та-ам! – пропел Стивен и вышел из комнаты, спугнув Старри, который стоял за дверями с подносом коктейлей и почтительно прислушивался к кипевшей ссоре.

– Простите, сэр, я как раз хотел войти, – произнес Старри, невозмутимо глядя на Стивена.

– Будет что обсудить в комнате прислуги, а? – дружелюбно спросил тот.

– Я никогда не сплетничаю, сэр, это непристойное занятие, – с достоинством возразил дворецкий.

Он внес поднос в гостиную. Пола, что-то страстно доказывавшая своему дяде, сразу замолчала и удалилась. Джозеф начал торопить Валери, Мод и Моттисфонта, чтобы они переоделись к ужину, а Натаниэль попросил Старри принести рюмку хереса.

Пока в гостиной бушевали страсти, Матильда сидела с Уиллоби в библиотеке и старалась как можно тактичнее объяснить, почему Натаниэль не станет финансировать его пьесу. Вздуродженный чтением драматург сначала не хотел ее понимать. Видимо, Пола убедила его, что поддержка дяди – дело решенное. Но когда до него дошли слова Матильды, он смертельно побледнел и пробормотал:

– Значит, все было напрасно?

– В том, что касается Натаниэля, – боюсь, что да, – подтвердила Матильда. – Он не любит подобного. Но на свете есть и другие спонсоры.

Ройдон покачал головой:

– У меня нет знакомых богачей. Почему он не желает помочь? Почему никто не дает шанс таким людям, как я? Это нечестно! У них есть деньги, но им безразлично все, кроме...

– Думаю, будет гораздо лучше, если вы просто покажете пьесу какому-нибудь продюсеру, – посоветовала Матильда.

– Все от нее шарахаются, – пожаловался он. – Говорят, она не привлечет зрителей. Но я уверен, что пьеса хорошая! Я писал ее потом и кровью! И я не могу просто взять и сдать ее! Она слишком много для меня значит! Вы не представляете, сколько она для меня значит, мисс Клэр!

Матильда мягко предположила, что, вероятно, ему стоит попытаться сочинять другие пьесы, более подходящие для сцены, но он резко перебил ее, заявив, что скорее умрет с голоду, чем станет сочинять что-либо иное. Все это ее немного раздражало, и она обрадовалась, когда в комнату влетела Пола.

– Пола! – в отчаянии крикнул Ройдон. – Это правда, что говорит мисс Клэр? Он не хочет финансировать пьесу?

После ссоры с Натаниэлем у Полы пылали глаза и щеки. Она яростно выпалила:

– Я сказала все, что о нем думаю! Я сказала...

– Не следует повторять нам, – с досадой прервала ее Матильда. – Ты с самого начала должна была понять, что твоя затея безнадежна.

Пола развернулась к ней.

– Я все равно добуду деньги. Я всегда получаю то, что хочу, всегда! И я никогда в жизни не хотела ничего сильнее, чем этого!

– Но Натаниэль говорил...

– Ерунда! – Она откинула волосы со лба. – Ему нравится ругаться. Нам всем это нравится. Мы обожаем ссориться! Скоро мы продолжим разговор. Вот увидишь!

– Надеюсь, что не увижу, – пробормотала Матильда.

– Ах, ты ничего не понимаешь, – отмахнулась Пола. – Я знаю его куда лучше тебя. Деньги я получу. Обязательно!

– Не надо тешить себя иллюзиями. Ты их не получишь!

– Обязательно получу!

Ройдон неуверенно перевел взгляд с ее пылающих глаз на суровое лицо Матильды и подавленно произнес:

– Пожалуй, пойду переоденусь. Хотя толку от этого...

Пола кивнула:

– Я тоже пойду. И толк непременно будет, Уиллоби. Поверь мне. Я всегда добиваюсь своего.

«Счастливого Рождества!» – подумала Матильда, глядя им в спину. Она достала сигарету из лежавшей на столе коробки, закурила и села у огня, чувствуя упадок сил. Сколько переживаний! Конечно, это не ее дело, но бедняга драматург, хотя и довольно нудный, вызывал у нее искреннее сочувствие, а неистовая Пола хоть кого втянет в свои делишки. Да и не могла же она просто сидеть и смотреть, как этот ужасный вечер закончится полной катастрофой. Надо было спасти хотя бы то, что от него осталось.

Впрочем, Матильда нехотя признала, что пока не имеет представления о том, как его спасти. Если их не угробит безумие Полы, то доконает прекраснодушие Джозефа. Остановить обоих нет никакой возможности. Пола думает лишь о себе, а Джозеф никогда не примирится с мыслью, что его сладкий елей больше похож на кислоту. Он считал себя миротворцем, да и теперь «миротворствовал», доводя Натаниэля до безумия своими благоглупостями и еще больше подливая масла в огонь, разумеется, из самых лучших побуждений.

В коридоре открылась дверь, и Матильда услышала голос Натаниэля.

– Да отвяжись ты от меня, ради Бога! Говорю тебе, я вышвырну их всех на улицу вместе с багажом!

Матильда улыбнулась. Ну конечно, опять Джозеф!

– Старина, не говори так! Давай обсудим все спокойно!

– Не хочу я ничего обсуждать! – орал Натаниэль. – И не называй меня стариной! Спасибо уже за то, что пригласил их всех в мой дом и превратил его в базар! Бумажные гирлянды! Ветки омелы! Может, ты еще нарядишься Санта-Клаусом? Я терпеть не могу Рождество, слышишь? Не выношу! Ненавижу!

– Не говори так! – попросил Джозеф. – Ты просто старый брюзга и немного раздражен, потому что тебе не понравилась пьеса Ройдона. Если честно, я и сам от нее не в восторге, но, дружище, надо быть терпимее к молодежи!

– Только не в моем доме! И хватит за мной ходить! Ты мне надоел!

Матильда услышала, как он зашлепал по ступенькам к лестничной площадке. Потом раздался грохот, и она безошибочно угадала его причину: Натаниэль споткнулся о стремянку.

Матильда поспешила к двери. Действительно, стремянка валялась на площадке, а Джозеф бережно помогал Натаниэлю подняться.

– Дорогой, мне так жаль! Прости, это моя вина, – запричитал Джозеф. – Что я за болван! Надо было закончить с украшениями пораньше.

– Убери их отсюда! – приказал Натаниэль, задыхаясь от ярости. – Все долой! Немедленно! Чертов неумеха! Мой радикулит!

Эти ужасные слова пригвоздили Джозефа к месту. Натаниэль поплелся вверх, хватаясь за перила, как инвалид.

– О Господи! – пролепетал Джозеф. – Я не предполагал, что она кому-то помешает!

Натаниэль со стоном продолжил подъем. Матильда услышала, как хлопнула дверь спальни, и рассмеялась. Джозеф быстро обернулся.

– Матильда! Я думал, ты наверху. Господи, ты видела, что произошло? Какая досада!

– Видела. Я знала, что твоя стремянка кого-нибудь угробит.

Он с печальным видом поднял лестницу.

– Не хочу никого обижать, дорогуша, но Натаниэль бывает просто невыносим. Он нарочно сбил ее! Сколько шума из-за пустяков!

– Все-таки жаль, что ты ее тут оставил, – вздохнула Матильда. – Теперь весь остаток вечера будет посвящен радикулиту.

Джозеф улыбнулся, покачав головой.

– Нет-нет, ты к нему несправедлива. У него действительно радикулит, и весьма болезненный. Нам нужно придумать совместный план...

– Без меня, – оборвала его Матильда.

- Душенька, я на тебя рассчитываю. Ты нравишься Натаниэлю, и мы должны успокоить его. Давай, я уберу эту стремянку от греха подальше, а потом мы решим, что можно сделать.
- Что касается меня, – произнесла Матильда, – я иду переодеваться.

Глава пятая

Джозеф потащил лестницу в бильярдную, а Матильда вернулась в гостиную за сумочкой. Но когда она уже почти поднялась наверх, Джозеф догнал ее и, запыхавшись, подхватил под руку.

– Даже не представляю, что мы будем без тебя делать!

– Бесплезно меня уговаривать, – заявила Матильда. – Я не собираюсь приносить себя в жертву.

– Приносить в жертву! Какая странная мысль! – Они прошли мимо спальни Натаниэля, и он понизил голос: – Дорогуша, помоги мне спасти этот вечер!

– Никто его не спасет. Максимум, что ты можешь сделать, – убрать с глаз долой гирлянды и омелу.

– Тихо! – Джозеф оглянулся на дверь спальни. – Ты же знаешь Натаниэля. Он всегда такой. Его не волнуют мои гирлянды, боюсь, дело гораздо хуже. Честно говоря, я не в восторге от того, что Пола привезла сюда этого молодого человека.

– Мы все не в восторге, – заметила Матильда, направляясь к своей комнате. – Но пусть тебя это не волнует, Джо. Разумеется, он добавил масла в огонь, но причина совсем не в нем.

Джозеф вздохнул:

– Я надеялся, что Валери понравится Натаниэлю.

– Ты неисправимый оптимист.

– Знаю, знаю. Но бедняге Стивену и так приходится несладко. Правда, я сам немного разочарован в Валери. Пытался ей объяснить, как обстоят дела, но... она не хочет помогать.

– Что поделаешь, это в генах, – сухо заметила Матильда.

– И тут еще эта проблема с Моттисфонтом, – продолжил он, нахмутив брови.

– А что случилось?

– Ох, милая, не спрашивай! Я ничего не смыслю в бизнесе. Кажется, он чем-то сильно разозлил брата, но подробности мне неизвестны. Моттисфонт мне что-то об этом говорил, хотя больше намекал и напускал туману. Дело не в этом! Натаниэль всегда больше бранится, чем сердится, и я думаю, гроза скоро пройдет. Нам нужно, чтобы он находился в хорошем настроении. Сейчас не время лезть к нему с проблемами Моттисфонта.

– Джозеф, – серьезно сказала Матильда, – ты всегда можешь на меня положиться, но вот тебе мой совет: не приставай к нему ни с какими делами!

– Милая, но на меня все так рассчитывают, – возразил он и расплылся в одной из своих причудливых улыбок.

Видимо, он и впрямь считает себя незаменимым человеком, подумала Матильда, но она уже устала от всей этой суеты и от его роли великого миротворца.

– Что-то я не заметила, – буркнула она.

Джозеф был уязвлен, но ничто не могло смутить его надолго. Через несколько минут, откручивая кран в ванной, она услышала, как он напевает в соседней комнате. Это была какая-то старинная баллада, и исполнял Джозеф ее так фальшиво, что Матильда, с ее музыкальным слухом, не выдержала и постучала в дверь, умоляя его прекратить это безобразие. Она быстро об этом пожалела, потому что, обнаружив, что они могут переговариваться через дверь, Джозеф начал болтать без умолку и засыпал ее сентиментальными воспоминаниями о своей беспечной юности. Иногда он спрашивал, хорошо ли она его слышит, однако комментарии его не слишком интересовали, и он преспокойно продолжал травить свои байки спустя долгое время после того, как она вышла из ванной. Обнаружив, что минут десять разглагольствовал перед пустой комнатой (из спальни Матильда едва слышала, как он что-то бубнит за дверью), Джозеф, не обиделся, а лишь рассмеялся и заметил, что глубоко погрузился в прошлое и пора

возвращаться в скучную реальность. Затем он снова принялся за свою балладу и мычал ее до тех пор, пока Матильда не стала подумывать о самоубийстве.

– Джозеф, ты уверен, что никогда не выступал в Гранд-опера? Например, в роли Зигфрида? Представляю, как бы неистовствовала публика.

– Злючка-колючка, – игриво пропел Джозеф, и Матильда поняла, почему Стивен ему всегда грубит. – Ты уже оделась?

– Почти. А что?

– Может, спустимся вниз вместе? У меня возникла одна идея.

– Я не собираюсь играть в твои игры. Забудь об этом.

Он ответил ей смешком, но, очевидно, держал ушки на макушке, потому что, как только Матильда открыла дверь, Джозеф мгновенно выскочил из комнаты и воскликнул, довольно потирая руки:

– Ага, скверная девчонка, ты не проведешь своего старого дядюшку!

– Позволь заметить, что ты не мой дядя, и даже самые близкие друзья не называют меня «девчонкой».

Он взял ее под руку.

– Разве не сказал бессмертный Бард: «Нет, для меня стареть не можешь ты!»⁶

Матильда в изнеможении закрыла глаза.

– Не вздумай играть со мной в цитаты, или тебе не поздоровится, – предупредила она. – Кстати, я вспомнила одну песенку, где говорилось: «Был у родителей твоих хороший шанс: младенца утопить в ведре с водой».

Посмеиваясь, он сжал ее ладонь.

– Обожаю твой острый язычок! Впрочем, не важно. Я не обижаюсь. Ничуть! Теперь слушай, что я придумал. После ужина ты сыграешь в пике с Натаниэлем.

– Ни за что на свете.

– Да-да, сыграешь! Я подумывал о бридже, но тогда придется подключить Моттисфонта. Он плохой игрок, а ты знаешь, как серьезно Натаниэль относится к карточной игре! И потом, я помню, какие баталии вы вели с ним в прошлый раз и как ему это не понравилось. В общем, после еды ты предложишь Натаниэлю перекинуться в карты, а я уведу остальных в бильярдную. Займу их шарадами, жмурками и всякими старыми милыми забавами.

– Если уж надо выбирать между пике и «старыми милыми забавами», то я предпочту первое. Считаю, ты меня уговорил.

Джозеф просиял от удовольствия и, наверное, похлопал бы ее по спине, если бы они уже не пришли в гостиную.

Стивен и Моттисфонт пока не появились, но остальные были уже в сборе. Гости стояли с бокалами в руках, а Мод, уверявшая, что ее воротит от спиртного, бродила по комнате в поисках своей книги, которую вроде бы оставила здесь, хотя и не была в этом уверена. Ей пришла в голову неудачная мысль спросить у Полы, не видела ли она «Жизнь императрицы». Та, погрузившись в мрачные мысли, вздрогнула и возмутилась:

– При чем тут я? Какое мне дело до вашей книги, черт возьми?

– Я просто спросила, дорогуша, – спокойно произнесла Мод. – Кажется, после обеда я оставила ее в гостиной. Или унесла с собой в спальню?

Пола бросила на нее раздраженный взгляд и снова принялась расхаживать по комнате, углубившись в свои проблемы.

Валери после нескольких безуспешных попыток расшевелить Ройдона – тот выглядел немногим лучше Полы – впала в меланхолию. Джозеф поспешил к ней на помощь, щедро засыпав комплиментами и изо всех сил (тут Матильда отдавала ему должное) стараясь отвлечь от

---

⁶ Цитата из 104-го сонета Шекспира.

грустных мыслей. Но Валери не хотелось флиртовать с Джозефом, она находила вечер очень скучным и, будучи представительницей поколения, которое не учили уважать старших, попросту его отшила. Отвернувшись от Джозефа, она вскользь бросила Мод, что не видела ее книги, а если бы и увидела, то не отличила бы от любой другой.

Ройдон принес Матильде коктейль и после нескольких невнятных фраз вдруг разоткровенничался:

– Знаете, я размышлял над вашими словами и понял, что вы были правы. Я сделаю еще одну попытку. Например, я еще не обращался к Генри Стаффорду. Может, пьеса ему понравится. Он недавно поставил «Лихорадочную ночь», она идет всего неделю. И плевать мне на спонсоров. Вы правильно сказали: пьеса достаточно хороша, чтобы самой за себя постоять.

Матильда не помнила, чтобы говорила подобное, но ее порадовало, что Ройдон, еще недавно расстроенный отказом Натаниэля поддержать его пьесу, так быстро вернул свой оптимизм, и искренне одобрила его решение. Тем временем в гостиной появился Эдгар Моттисфонт. Он выразил надежду, что не заставил никого ждать, и вел себя довольно бодро, пока Джозеф не спросил, видел ли он Натаниэля и Стивена. Видимо, это напомнило ему о неприятном разговоре с Натаниэлем. Пробормотав: «Нет, я никого не видел», – он погрузился в угрюмое молчание.

Стивен присоединился к ним через несколько минут, тоже не в самом лучшем расположении духа, и все стали с нетерпением поглядывать на часы в ожидании Натаниэля.

В половине девятого Старри пришел доложить об ужине, увидел, что хозяина нет, и удалился. Джозеф выразил уверенность, что Натаниэль вот-вот появится, но когда прошло еще несколько минут, пробормотал, что, должно быть, тот перепутал время, и попросил Стивена сходить за дядей.

Стивен налил себе еще одну рюмку хереса и с обычной грубостью ответил, что если Джозефу так нужен Натаниэль, пусть он сам за ним сходит.

– Ох, Стивен, Стивен, – покачал головой Моттисфонт. – Не мешало бы тебе быть повежливее, мой мальчик.

– О, я совсем не сержусь на моего ворчуна-племянника, – безмятежно возразил Джозеф. – Мы со Стивеном отлично друг друга понимаем. Пола, может, ты сбегашь наверх и постучишь в дверь к дядюшке?

– Нет уж. Я пыталась к нему зайти, потому что хотела поговорить, но он даже не ответил. Стивен усмехнулся.

– Дядя Натаниэль в своем репертуаре. Идемте ужинать.

Валери, похоже, была совсем не против обойтись без Натаниэля, но все-таки спросила:

– Но ведь мы не можем ужинать без мистера Джерарда, разве нет?

– Ну еще бы, с твоим безупречным воспитанием, – съязвил Стивен.

– Ах вы, лентяи! – пожурил их Джозеф. – Видимо, придется идти самому.

– Я этого не говорил, но ты уловил мою мысль, – заметил Стивен.

У Пола вырвался смешок, но когда Джозеф вышел из комнаты, она буркнула:

– Вижу, ты в ударе, братец.

– Как и ты, сестрица, – ответил тот с фальшивым дружелюбием.

– Кажется, я уже сыта Джерардами по горло, – вздохнув, пожаловалась Матильда.

Мод наконец бросила свои поиски и уселась на обычное место у камина, поглядывая на Матильду, Стивена и его сестру. Она хранила невозмутимый вид, но ее пухлые ручки постоянно двигались, а колени были крепко сжаты.

– Не представляю, как ты все это выносишь, – обратилась к ней Матильда.

– Я привыкла, дорогуша, – ответила Мод.

С лестницы послышался голос Джозефа:

– Стивен, дружище, ты не мог бы сюда подойти?

Эдгар Моттисфонт встрепенулся:

– Господи, надеюсь, все в порядке?

– А что может быть не в порядке? – бросил Стивен, направившись к двери. – Чего тебе?

– Подойди сюда, мальчик мой.

Он пожал плечами и вышел из комнаты.

– Что-нибудь случилось? – спросила Валери. – Мистер Джерард заболел?

– С какой стати? Когда я в последний раз с ним виделся, он чувствовал себя отлично, – возразил Моттисфонт.

– Мой радикули-ит, – передразнила Матильда.

Лениво поднявшись наверх, Стивен обнаружил Джозефа и Форда, камердинера Натаниэля, у закрытой двери. Оба выглядели встревоженными.

– Ну что тут? – спросил Стивен.

– Мой мальчик, мне это совсем не нравится, – произнес Джозеф. – Он не отвечает на мой стук, а Форд говорит, что стучал полчаса назад, и Натаниэль тоже не ответил.

– И что? – буркнул Стивен. – Может, ему просто осточертело человечество. Что совсем неудивительно.

– Не шути так, старина. Боюсь, могло случиться что-либо скверное. Мне кажется, лучше взломать дверь.

– В комнате ни звука, сэр, – заметил Форд, прижавшись ухом к дверной щели. – Я уже несколько раз звал его.

Стивен поднял брови.

– Дядя Натаниэль! С тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Стивен нахмурился и нажал плечом на дверь. Форд к нему присоединился, и через пару секунд замок хрустнул, створка распахнулась настежь и мужчины влетели в комнату.

Это была просторная спальня, обшитая деревянными панелями, с огромной кроватью под балдахином и массивной дубовой мебелью. Свет не горел, шторы были раздвинуты. В камине вспыхивал красный огонек, а около кожаного кресла на полу лежал Натаниэль, вытянувшись во весь рост и положив руку под голову, словно во сне.

– Господи, у него обморок! – воскликнул Стивен. Он бросился вперед и опустился на колени рядом с дядей. – Форд, принеси бренди! Да не стой тут как ослеп!

В комнату вбежал перепуганный Джозеф.

– Боже мой, как это могло случиться? Натаниэль, дружище!

– Хватит кричать, – пробормотал Стивен, сильно побледнев. – Он мертв.

– Стивен! – У Джозефа перехватило дыхание. – Мертв? Что за чушь? Этого не может быть. У него просто обморок.

Стивен поднялся с колен.

– Сам посмотри, – грубо сказал он.

– Нет-нет, я не верю, – заикаясь, пролепетал Джозеф. Он тоже опустился на колени и взял безжизненную руку Натаниэля. – Принеси зеркало! Если поднести его к губам...

– Он мертв, неужели не видишь?! – крикнул Стивен.

Джозеф застонал и принялся тереть руки брата.

– Но почему? Он даже не болел! Натаниэль, дорогой мой!

– Не знаю. Вероятно, удар. Что будем делать?

– Доктора, скорее! Нет-нет, он не мог умереть!

– Да, доктор не помешает. – Стивен старался говорить спокойно, но голос у него дрожал. – Пусть Форд вызовет по телефону. Вот тебе и веселое Рождество, Джозеф.

– Перестань! – в отчаянии взмолился Джозеф.

Камердинер поспешно вернулся с полным графином и бокалом, но Стивен остановил его на пороге:

– Это уже не понадобится. Он мертв. Иди звони доктору!

– Мертв? – Форд изменился в лице. – Вы о моем хозяине, мистер Стивен?

– А о ком же еще, идиот? Хотя нет, оставь мне бренди. И вызови доктора, а потом сразу обратно, ясно?

– Форд, – выдавил Джо. – Никому ни слова.

– Это еще почему? – сдвинул брови Стивен. – Все должны знать. Или ты хочешь продолжать свой чертов праздник?

– Стивен! Рядом с мертвецом!

– Вот и я о том же. – Он плеснул в бокал бренди. – Немного нервнует, правда?

– Форд, скорее! – поторопил Джозеф. – Скажи доктору Стоуку, что с мистером Джерардом произошел несчастный случай, и попроси его немедленно приехать.

– К чему эти уловки? – поинтересовался Стивен, когда дворецкий вышел.

Джозеф ответил, понизив голос:

– Подойди сюда, мой мальчик. Это не удар. Боже мой, Стивен, Натаниэля убили!

– Ты спятил? – Стивен замер, не донеся бокал до рта.

– Смотри! – воскликнул Джозеф и поднял руку.

Вся ладонь была в крови. Стивен резко поставил бокал на камин и шагнул к телу Натаниэля.

– Как? Где? Откуда это?

Джозеф достал из кармана носовой платок и вытер взмокший лоб.

– Я пытался поднять его, – произнес он срывающимся голосом. – И почувствовал что-то мокрое на спине. Его зарезали, Стивен! Моего брата зарезали!

– Что ты несешь? Дверь была закрыта изнутри! Его не могли зарезать!

– Посмотри сам. – Джозеф отвернулся. – Прости, но я не могу этого видеть. Глупо, но не могу.

– Бренди на столе, – бросил Стивен, повернув тело Натаниэля на живот. – Черт, ты прав!

Джозеф доплелся до стола, рухнул в кресло, уронил голову на руки и застонал. Одежда Натаниэля чуть выше поясицы слиплась от крови. Ткань была распорота, вокруг прорехи запеклась кровь. Стивен сухо констатировал:

– Похоже, внутреннее кровотечение. Снаружи почти чисто. Влипли мы в историю!

– Невероятно! Не могу поверить!

– Вот, выпей. – Стивен протянул ему бокал с бренди.

Джозеф отхлебнул большой глоток и слабо улыбнулся.

– Да-да, надо сохранять спокойствие. Мы должны подумать. Как ужасно! Просто не укладывается в голове. Там, внизу, веселится невинная молодежь, а мы здесь, в этой комнате, рядом...

– Хватит! – оборвал его Стивен. – На этой чертовой вечеринке было все, кроме веселья, и ты сам прекрасно знаешь! Что касается невинности... Интересно, какая сволочь это сделала?

Его слова ошарашили Джозефа. Он ахнул и выпрямился в кресле.

– А мне и в голову не пришло! Видимо, из-за шока... Стивен, но это же кошмар! Кто мог совершить такой чудовищный поступок?

Тот приблизился к окну и отдернул шторы. Внимательно все осмотрев, он обернулся и спросил:

– Ты в курсе, что дверь была заперта, а окно закрыто?

Джордж перестал бродить по комнате и застыл, растерянно моргая.

– Ванная! Вот как попал сюда преступник!

Стивен быстро взглянул на дверь в ванную. За приоткрытой створкой горел свет. Он вошел внутрь. В ванне была чистая вода, на горячей батарее висели свежие полотенца, на полу лежал махровый коврик. Вторая дверь была заперта, приоткрыто было только окошко вентиляции.

– Там тоже все закрыто, – сообщил Стивен, вернувшись в спальню. – Как ты решишь эту загадку?

– Дверь закрыта? – удивился Джозеф. – Ты уверен?

– Конечно, уверен!

В комнату вошел Форд и доложил:

– Доктор сейчас прибудет, сэр. Сюда идет мисс Пола, сэр. Я не смог ее остановить. По правде говоря, я не знаю, что нужно говорить, мистер Джозеф.

– Стивен, это не подходящее зрелище для женщины! – воскликнул Джозеф. – Она не должна сюда войти!

Стивен бросил на него презрительный взгляд и не двинулся с места.

Пола, как обычно, с шумом влетела в комнату, восклицая на ходу:

– В чем дело? Почему вы не спускаетесь? Что за загадки?

– Тут загадка для полиции, – усмехнулся Стивен.

Пола увидела тело Натаниэля и побледнела. Несколько мгновений она стояла молча, а потом тихо спросила:

– Он мертв?

– Да, – ответил Стивен.

– Что его убило?

– Неверный вопрос. Не что, а кто.

Она взглянула на него, и в ее глазах вспыхнул жесткий огонек.

– Значит, он убит?

– Да, зарезан ножом.

– Какой ужас. Какой ужас!

Наступило молчание. Его нарушил Джозеф.

– Пола, ты не должна здесь находиться, – пробормотал он.

– Почему?

– Женская чувствительность, – пояснил Стивен.

– А! – Она презрительно дернула плечом. – Что мы будем делать?

– Очевидно, обратимся в полицию. И тянуть, думаю, не следует, – ответил Стивен и направился к двери.

– В сочельник, – простонал Джозеф, словно это еще больше усугубило его горе. – Ах, Пола, Пола!

Она резко повернулась к нему:

– Что? Считаешь, я как-то к этому причастна?

– О, милая, нет! Конечно, не причастна!

– Но кто это сделал? У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Я ничего не могу сообразить, душа моя! Все это просто немыслимо. Пытаюсь понять, осознать, что случилось...

– Дом! Кошмарный, зловещий дом! – Она затравленно огляделась по сторонам. – Я говорила вам, что здесь живет зло, а вы смеялись!

– Пола, ты слишком возбуждена, – пробормотал Джозеф, с беспокойством глядя на нее. – Дом не мог убить беднягу Ната!

– Но это его влияние! Он действовал на нас, заставил одного из нас...

– Тише, Пола, тише. Все это глупости. Давай, дитя мое, пойдем отсюда. Тебе здесь не место. – Он обнял ее за плечи и почувствовал, как она дрожит.

– Нет, это не один из нас, – прошептала Пола. – Такого не может быть. Кто-то залез в окно, наверное, грабитель. Дверь была заперта!

– Это Форд тебе сказал?

– Я пыталась зайти к нему, когда спускалась вниз. Он не ответил на мой стук.

– Почему же ты нас не предупредила?

– Я не подумала ничего плохого. Решила, что он просто обиделся. Мы поссорились. Ты ведь его знаешь! Кстати, я тебе говорила, когда ты попросил меня за ним сходить.

– Слишком поздно! – трагически воскликнул Джозеф.

– Раньше тоже было поздно. Похоже, когда я к нему стучалась, он уже был мертв.

Джозеф поморщился:

– Пола, что такое ты говоришь?

Она ответила жестким тоном, точь-в-точь как Стивен:

– Не вижу смысла в глупых сантиментах. Я веду себя честно. Он мне никогда не нравился. Мне плевать на его смерть. Он был тираном и скупердям.

Это окончательно шокировало Джозефа. Он выглядел уязвленным и в то же время встревоженным.

– Мы не должны устраивать истерики. Ты так не думаешь, Пола. Нет-нет, твой старый дядюшка хорошо тебя знает!

Она пожала плечами:

– Ненавижу, когда меня идеализируют.

Он взял ее за руку и осторожно погладил:

– Спокойнее, Пола, спокойнее. Нельзя терять голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.